

А. МАКАРОВА

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ ИТАЛИЯ

БЕРОНА

Верона

Анастасия Макарова

Верона

«Автор»

2025

Макарова А.

Верона / А. Макарова — «Автор», 2025 — (Верона)

Рабочий городок. Здесь живут беженцы, однажды обменявшие свою свободу на защиту в затяжной войне. Без права выбора и передвижения. Без светлого будущего. Без права на свою жизнь. Едва не погибнув в шахте, Найд нашел в себе силы взглянуть правде в глаза. Он зол. Он слаб. Он напуган. Он вообще ни на что не влияет. Зато на него всегда найдутся рычаги влияния... И это, черт подери, бесит! Борьба за свои права будет нелегко - ведь в городе теперь неспокойно. Один за другим исчезают люди, а у самого Найда начинаются странные галлюцинации, мешающие жить. Что может сделать простой шахтер, которому перекрыли кислород?

© Макарова А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Благодарю	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Макарова

Верона

Благодарю

Сергея Смирнова – за вычитку, пинки и полезные материалы!

Олю (Kass ART) за обложку, иллюстрации и моральную поддержку!

Экспертного Эксперта в вопросах Экспертности – за консультации и веру в мою книгу – несмотря на то, что он ее не читал и не собирается, потому что она не про зомбЕй!

Не-секту СтоСлов – за мотивацию работать над книгой, несмотря ни на что!

Пролог

Высокий широкоплечий мужчина в грязном джинсовом комбинезоне, воспользовавшись внезапной остановкой состава, выбрался из последнего вагона грузового поезда. Он спрыгнул на землю и, хрустя мелким щебнем, побежал вдоль состава, стараясь держаться как можно ближе к вагонам. Темно. Только желтые фонари вдоль железнодорожных путей обеспечивают видимость, да половинка луны где-то в недосыгаемой высоте. И Харон...

Мужчина на секунду остановился и запрокинул голову, рассматривая красную звездочку, неподвижно повисшую над горизонтом. Звездочка еле заметно мерцала.

Но надо бежать. Длинный, длинный поезд. Колеса скрежетнули, и состав вновь тронулся. Мужчина ускорил бег. Вон он, нужный вагон! Он уцепился за металлические скобы, расположенные сбоку, и ловко взобрался наверх. Откинув край защитной ткани, которую положили от возможного дождя, вздохнул. Вот результат его трудов. Вот тот уголь, ради которого они с товарищами ежедневно гнут спины. Уголь, который принесет огромную прибыль тем людям, которые для его получения и пальцем в своей жизни не пошевелили. Но времени совсем не было. У него есть лишь час перед рассветом. Надо поспешить. Не жалея своего и без того грязного джинсового комбинезона, он откинул защитную ткань, опустился на колени и принялся голыми руками перерывать груды угля. Мелкие песчинки забивались под ногти, но ему было не привыкать. Он копал и копал, пока не нащупал что-то мягкое.

Кажется, есть! Дрожащими руками мужчина разгреб ямку, на дне которой проглядывало человеческое лицо.

Глава 1

На стене шахты красным цветом мигала лампочка. Где-то вдалеке выла сирена – точнее, она завывала совсем рядом, но из-за обвала, отрезавшего его от основной группы, Найд слышал сирену приглушенно. Казалось, что своды шахты вокруг него пульсируют.

«Хорошо, не придавило, – подумал Найд мельком, судорожно ощупывая грудь обвала перед собой, – иначе крышка. Инвалидность, прощай работа, привет, жизнь побирušки... Но что теперь?»

Это случилось так внезапно... Бригада работала в штатном режиме. Комбайн ревел, вгрызаясь в пласты угля, добытый уголь сыпался из-под резцов комбайна на ленту конвейера и ехал по ней на поверхность. В месте добычи стояла непроходящая пылевая завеса. Гидравлические опоры постепенно продвигались вглубь, следуя за прогрессом комбайна. Опоры были необходимы, чтобы условный «потолок» не рухнул на голову шахтерам во время работы машин.

В момент обвала Найд стоял у крайней гидравлической опоры, неподалеку от ответвления шахты. Здесь шахта уходила в небольшой коридорчик, уже не используемый, но и не до конца заваленный – через него проходил конвейер, и коридорчик был еще нужен. Когда в очередной раз ковш комбайна с грохотом вгрызся в породу, стена шахты поехала, начав ронять куски камней величиной с голову взрослого человека. Найд успел отскочить назад, в ответвление, прежде чем место, на котором он стоял, оказалось полностью под завалом.

"Как и комбайн, наверное", – пронеслось теперь в голове у Найда, но в тот момент он об этом не думал. Он лишь отпрыгнул, выругался, наблюдая, как каменный поток отрезает его от основного тоннеля и прислонился спиной к холодному камню. Сердце гулко стучало в тишине. Тишина здесь была непривычна и образовалась от остановки комбайна. Буквально через секунду завывала сирена – и Найд это слышал. Либо кто-то из шахтеров подал сигнал тревоги, либо завал затронул важные узлы, и сработала система оповещения об обвале.

На стене коридора, в котором оказался заперт Найд, загорелась красная лампочка. Видимо, обвал все же не затронул электрокабель – либо он был надежно закреплен, и поток камней не смог его перебить.

Найд тяжело дышал. Первая волна адреналина уже схлынула, и его начало трясти. Дрожащей рукой он провел по лбу, смахивая на глаза капельки пота. Ноги были как будто ватные.

«Соберись! – скомандовал он себе, – Соберись, не время расклеиваться. Надо выбираться!»

Найд стал прикидывать, способен ли он растащить завал. Скорее всего, нет. Завалило капитально, а у него с собой нет даже ломика или чего-то подобного. Только спецовка, респиратор, каска, фонарик, газоанализатор и самоспас.

Газоанализатор пока не подавал никаких сигналов. Это хорошо. Ведь когда в шахте скопится недопустимое количество опасных газов, прибор завершит тут же. Вот тут-то самоспас и пригодится. Он позволит некоторое время дышать. Тяжелый только, но от него зависит твоя жизнь. Поэтому приходится носить. Обычно его крепили на ремень и так и носили всю смену.

Найд приглушенно слышал, как за завалом происходит что-то активное, но не мог понять, что. Со стороны второго ответвления доносился глухой рев второго комбайна – там работала еще одна бригада. Найду, конечно, хотелось верить, что прямо сейчас его товарищи увидели завал и пытаются решить, как бы поскорее достать его отсюда.

Обычно своды шахт были хорошо укреплены, как раз от таких происшествий. Ведь любая полонка здесь может привести к гибели людей. Отсутствие света или электричества, что не позволит воспользоваться вагонеткой. Но в этом случае можно было подняться на поверхность

и "своим ходом". Хуже всего – завалы, которые препятствуют нормальной вентиляции системы шахт и рано или поздно приводят к удушью. Если, конечно, при этом не работает экстренная связь с диспетчерской.

Проблема заключалась вот в чем: у Найда не было рации, чтобы предупредить группу. По регламенту должна была быть у каждого, но по факту их выдавали по штуке на бригаду. Начальство экономило на всем: каску, которая сейчас была у Найда на голове, давно было пора утилизировать. Газоанализатор, возможно, не пищал, банально по причине выхода из строя. Ну а сапоги и спецовку... Их пришлось покупать каждому самостоятельно.

И если раньше Найд на все это закрывал глаза, то теперь до него четко дошло: от того, сможет ли он сообщить товарищам о своем местонахождении, зависит его спасение. Видел ли вообще кто-то, что его завалило? Найд напряг память. Он не мог вспомнить, чтобы кто-то стоял рядом. Скорее всего, товарищи не знают, что он тут. Они, возможно, уже знают о завале, но вряд ли понимают, что за завалом человек. И как же подать сигнал?

«Ладно, рано или поздно меня хватятся, – попытался успокоить сам себя Найд, – обязательно хватятся... А еще у меня есть самоспас!»

«Если он рабочий!» – парируя самого себя, ответил в пустоту Найд.

Найда бросило в жар. Он понимал, что пусть даже сейчас он выжил, пусть его не придавило камнем – но это ещё не значит, что он выживет в принципе. Он заперт в довольно тесном пространстве, где едва-едва циркулирует воздух, и вся надежда только на его группу. Они должны сообщить наверх о происшествии. И им ещё предстоит разобрать завал так, чтобы не оказаться самим под грудой камней.

А что еще ему остается? Идти некуда – коридорчик заканчивался тупиком, и в свете налобника Найд видел, где коридор кончается. Разбирать завал самостоятельно? Невозможно. Есть еще вариант – разобрать защитный обух остановившегося конвейера и вылезти под ним. Но у него нет инструмента, а без пары длинных ключей открыть обух не представлялось возможным.

«Тогда надо дать знать о себе!»

– Эй! – осторожно крикнул Найд, боясь, что его крик вызовет новое движение пластов.

– Эй, я жив! Я здесь! – уже громче добавил он.

Но ему никто не ответил. В тесном пространстве его голос звучал глухо, не было слышно даже эха.

Найд еще несколько минут поразмышлял, что же ему делать. Без рации ему крышка. Нет, вероятно, когда-нибудь его хватятся и догадаются, что он под завалом. Но будут ли искать? Или сочтут погибшим? От этих мыслей Найда бросило в холодный пот. Он еще немного покричал в пустоту, но так и не докричался. Тогда он сел на корточках и обхватил голову руками.

Найд помнил, что при панике потребление воздуха сильно растёт. А у него здесь не так-то много воздуха в запасе... Поэтому остается только надеяться, что он сможет протянуть до того момента, как его придут вызволять из каменной ловушки. И прочь мысли о скорой смерти! Прочь! Они ничем не помогают в данной ситуации!

Думая о разном, но в основном, ругая себя: смирился с отсутствием рации, сам дурак! – Найд просидел еще пару часиков. Ноги затекли сидеть то на корточках, то на коленях, и он расположился прямо на холодном камне, рискуя отморозить внутренние органы. Замерзнув, он снял и подложил под себя спецовку и снова сел. Налобник начал тускнеть и мерцать.

Найд машинально проверил ремень, где в небольшом подсумке лежала парочка запасных аккумуляторов к фонарю, но пока решил не трогать их. Он может и в темноте посидеть – какая разница?

В общей сложности он просидел еще часа три и почувствовал, что воздуха уже не хватает. От мысли, что скоро закончится его смена, и все разойдутся по домам, его прошиб холодный пот. Найд совершенно точно не хотел оставаться тут на ночь. Да, фляжка с водой лежит в

кармане комбеза, и его не будет мучить жажда, но все же... Хотелось выбраться как можно скорее.

Еще через часик дышать стало совсем некомфортно, и Найд неохотно снял с пояса самоспас. Не хотелось его использовать, ведь это буквально – последняя надежда. После того, как он его наденет, счет пойдет буквально на часы. Без движения ему удастся протянуть еще часика четыре... Задыхаясь, Найд спешно сорвал крышку, что удалось не сразу, а только раза с третьего. Сунул загубник в рот, предварительно вынув заглушку, сделал один вдох, другой, третий... Ничего.

Стараясь не паниковать, Найд проверил, все ли он сделал верно. Этот алгоритм был вшит в него со времен аварийных учений. Все шахтеры могли с закрытыми глазами проделать эти простые действия. И в них было довольно трудно допустить ошибку, тем более после стольких часов тренировок. Но самоспас просто не работал.

«Черт! Подсунули списанный!»

Найду показалось, что перед его глазами расплываются цветные круги и яркие пятна. Это, скорее, было от страха, чем от начинающегося удушья. Но удушье неминуемо наступит – ведь закупоренный завалом коридорчик сейчас выключен из общей системы вентиляции...

Найд запрокинул голову назад, делая короткие вдохи. Не так он собирался умереть. Да он вообще не думал об этом! Иначе, как можно объяснить то, что раз за разом он выходил на смену без рации?! Но ругать себя уже не было смысла.

Еще через пару минут Найду почудилось, будто что-то железное ударяется о камень. Найд подумал, что это галлюцинации, но еще спустя некоторое время ему в глаза ударил яркий свет. Это был чей-то фонарик! Сощурившись и прикрываясь ладонью, Найд вгляделся пристальнее. В конце коридорчика, как раз там, где проходил конвейер, маячила рука с фонариком.

– Найд! Найд!

В отверстие сунулась голова его лучшего друга, Рамиса. Его голос звучал весьма напуганно.

– Найд, ползи сюда!

Но Найд, хоть и слышал голос Рамиса, не мог ничего сделать. Длительное отсутствие кислорода сыграло свою роль. Все конечности были словно ватные.

Рамис протиснулся в отверстие, образовавшееся после съема обуха конвейера и пополз к Найду. Потормошил. Обратил внимание на валявшийся рядом самоспас, интуитивно сгреб и его, и друга, и потащил к выходу.

Протиснуться одному под конвейером было не столь уж трудно – тем более, невысокому, тощему Рамису. Но протолкнуть более крупного Найда оказалось уже труднее. Благо, кто-то из бригады помог Рамису подтянуть друга, и спустя минуту Найд уже был на свободе.

– Держись, дружище! Все хорошо..

Найду нацепили респиратор который он снял, чтобы надеть самоспас, и теперь он дышал полной грудью, но все еще не открывая глаза. В ушах сильно шумело, но жизнь возвращалась в его тело с каждым вдохом.

– Ты жив! – Рамис, не дав Найду опомниться, крепко обнял его, приподнимая и хлопая по спине, – Мы не сразу поняли, что тебя завалило.

Найд выдохнул и открыл глаза. Осмотрелся. По какой-то неведомой причине остальные шахтеры прятали взгляд и рассматривали что угодно, но только не его.

Поднимались на поверхность молча. Найд гонял в голове произошедшее. Был ли страх? Да, безусловно. Особенно, когда он понял, что самоспас нерабочий. Еще бы пара часов, и спасти его было бы уже поздно. Ожидать приближения смерти оказалось гораздо страшнее мгновенной кончины от прилета камня по голове. Оно и понятно... Ожидание и неизвестность,

как многие из его окружения говорили, страшнее чего-то уже случившегося. И теперь Найд полностью прочувствовал смысл этих слов.

Но теперь, едва Найд избежал смерти и спокойно ехал в вагонетке на поверхность, у него появилось время поразмыслить о будущем, которое было не так уж и радужно. И он начал копаться в ситуации, по кирпичику разбирая ее. Как и почему вообще случился завал? Ответ ему был ясен: свод шахты был укреплен недостаточно. И если это было сделано намеренно – а так частенько бывало в работе, – то должна была стоять предупреждающая табличка. Неиспользуемые коридоры шахт намеренно оставляли без укрепления – дескать, пусть себе засыпаются самостоятельно. На отработанные территории никто и никогда не возвращался – да и зачем? Цель шахты – добыча угля. Если из этой зоны достали весь имеющийся уголь, то зона покидалась, и бригады проделывали новые тоннели, ведущие к нетронутым залежам.

Но это был не такой коридорчик. Это был еще действующий технический тоннель в непосредственной близости от места добычи. И он должен был быть укреплен! Но не был...

И был, все же, один момент, который не давал Найдю покоя. У него не было рации! Рация была всего одна на бригаду! И если раньше Найдю было все равно, есть у него рация или нет, то теперь он понимал, насколько рисковал ежедневно. Ведь подобное могло произойти и ранее. А почему у него не было рации? Вот это был действительно интересный вопрос, ответа на который он не знал!

И да – самоспас, та самая вещь, которая должна была спасти его жизнь, оказался нерабочим! Как и почему это произошло?

Найда все еще потрясывало от выброса адреналина, но он уже соображал более-менее ясно. Сейчас они доберутся до поверхности, его осмотрит врач, констатирует, что все в порядке, возможно, ему разово дадут успокоительное... А потом его вызовут на ковер: наверх, в кабинеты. Как минимум к безопаснику.

Безопасник, Кир Баксон, на веронской шахте был лютый: за любой косяк дрючил нещадно, штрафовал, но никогда не задумывался о том, что работяга нарушил ТБ не по своей воле, а по уважительной причине. Например, он мог поймать шахтера на хождении без каски и оштрафовать, при этом его не интересовало, что целые, не треснутые каски попросту закончились, и работяге ничего не выдали, либо выдали треснутую каску, которую невозможно было носить. Что ему было делать? Покупать за свой счет? А на что тогда начальство? Зачем вообще такое начальство, если оно не обеспечивает работника всем необходимым?

Найд очень не хотел попасть на разнос к Баксону, но это было неизбежно. Хуже всего было вот что: комбайн тоже неслабо побил камнями. Если Найдю впаяют штраф еще и за поломку оборудования, то от его зарплаты просто ничего не останется!

Найд скрипнул зубами. Его это не устраивало. Впрочем, его здесь мало что устраивало. Он же не был слепым и видел все происходящее! Несправедливые штрафы, нехватка оборудования, трухлявая экипировка, задержки зарплаты, неоплачиваемые внеурочные... И это касалось только работы – а за пределами шахты несправедливости было хоть отбавляй!

Но Найд большую часть времени пребывал в состоянии мрачной апатии. Злость, рвущуюся наружу годами, приходилось держать при себе – из соображений безопасности. И эта злость разъедала его изнутри. Он каждодневно бичевал себя за то, что молча глотает несправедливость по отношению к себе. И все равно сделать ничего не мог... Найдю было очень страшно выделиться, вякнуть, вставить свой аргумент, попросить, наконец, причитающееся! Он почти что стопроцентно знал, что ничего не добьется. Но ладно бы все осталось, как прежде – но нет! После того, как он хоть раз выскажет недовольство, он запустит какие-то непоправимые процессы и перестанет быть на хорошем счету.

«А разве я на хорошем счету? Разве не я полчаса назад едва не погиб в шахте? Разве бы меня спасло, если бы я был на хорошем счету?»

А что скажут остальные шахтеры, если вызовут и их тоже? "Старички" недолюбливали молодняк, кем Рамис с Найдом являлись. Нет, они вряд ли станут топить их перед начальством.. Но у них не хватит смелости сказать, что свод шахты был укреплен недостаточно. Хотя Найд был уверен, что они это заметили с самого первого дня работы на этом участке. Шахтеры ведь народ осторожный... Профессия обязывает.

А должен ли Найд сказать о нарушении?

Он с силой сжал кулаки.

Конечно, должен. Только опасно говорить такое в присутствии руководства. Причин безалаберного укрепления свода шахты могло быть только две: кто-то просто увёл бюджет или материалы – тогда руководство в доле, будет крыть своих. Либо же кто-то прокололся – но вряд ли из простых рабочих. Простой рабочий никогда так не сделает, ведь от добросовестного укрепления шахтовых ходов зависят жизни.. В том числе и его собственная жизнь! А вот если кто-то из бригадиров или вышестоящего начальства просто прошляпил, забыл про этот участок... Да, это вероятная причина.

И что бы ни лежало в основе произошедшего, главный по безопасности будет рьяно искать виноватого..

Найд стыдливо поморщился, осознав, что ему все равно, кого и насколько справедливо обвинят. Лишь бы не его!

Лишь бы не его..

Вагонетка проходила последние метры под землёй. По стенам шахты вилась гирлянда проводов и красных лампочек. Найд всмотрелся в лица остальных шахтеров. Что-то было не так с ними. Вся бригада выглядела крайне подавленной, если не сказать – пристыженной. И это было очень на них непохоже. Только его друг Рамис вел себя, как и обычно.

Они ещё немного проехали, и, наконец, выбрались на поверхность.

– Давай-ка в медпункт, – Рамис первый спрыгнул с вагонетки и кивком головы указал на огромную махину прямо за его спиной.

Цеха, склады, офисное здание... На территории было несколько корпусов. Страшные, грязные, облупленные фасады. Высокие здания минимум в 10 этажей. Огромные площади.

Неудивительно – здесь добывался уголь для всей страны.

Найд спрыгнул на землю и оказался под палящим солнцем Вероны, правда, уже заходящим за горизонт. Зажмурился, провел рукой по копне кудрявых волос. Жарко...

– Пошли, пошли, – поторопил его Рамис, – а то медсестра домой уедет.

Найд кивнул, и они с другом быстро пошли по направлению к главному корпусу.

– Чего случилось-то? – не выдержав молчания, спросил Найд, – Почему все такие странные?

Рамис скривился.

– Как только мы сообщили об обвале, в диспетчерской стали срочно выводить шахтеров на поверхность. Я стал искать тебя, но не мог найти. Ильяс стал меня торопить. Мы пошли к вагонеткам, думая, что ты добрался раньше и дожидаетесь нас. Но тебя там не было. Тогда Ильяс стал подначивать всю группу, чтобы мы срочно ехали. Сказал, что ты мог уехать раньше нас, с другой бригадой. Я не стал выступать против всех, и мы поехали. Но тебя по-прежнему нигде не было. Тогда я поднялся в диспетчерскую и сказал, что под завалом человек. Что у нас не хватает одного. Они запретили разбирать завал, и мой аргумент не слушали. Тогда я плюнул и стал уговаривать бригаду спуститься со мной. Они начали ворчать, дескать, не факт, что Найд под завалом, а нам еще и влетит от начальства. Ну, я плюнул, сказал, что спущусь с ними или без них. И, как видишь, кое-кто сподобился.

– Я, конечно, всего ожидал, но чтобы прям вот так..

– Да, странно! Реально странно. Этот приказ... Еще и реакция группы. Не думал, что они настолько струсят... Но, возможно, на то были причины. А Ильяс этот! «На ковер вызовут, штраф впаяют!» – передразнил он его.

Рамис сгоряча сплюнул.

– Старый дурак! И это он сказал после того, как мы догадались, что ты под завалом! Можешь себе представить?

– Да уж, – покачал головой Найд, – даже и не верится...

– А я вот могу поверить! Поживешь тут ещё с пару десятков лет, совсем сломаешься, наверное... Станешь начальству в рот заглядывать да язык для лизания вышестоящих задниц полировать...

– А остальная бригада что?

– Отмалчивались и мялись.

Найд снова покачал головой. Отношение к нему товарищей по бригаде не особо волновало, но вот приказ... Почему-то сверху пришёл приказ не разбирать завал. А они разобрали, хотя, чисто технически, разобран был обух конвейера, а не сам завал. И что теперь будет? Впаяют нарушение техники безопасности? Что им сделают?

Рамис с Найдом молча дошли до основного корпуса и, как есть, грязные, в рабочих касках, спецовках, прошли через проходную. По очереди приложили карточки к турникетам. Прокрутили металлическую трешотку и оказались внутри.

Охранник брезливо поморщился при виде работяг, но Рамис кивнул ему.

– В медпункт.

– Второй этаж, левое крыло. Табличку увидите.

Внутри главный корпус выглядел не сильно лучше, чем снаружи. Пол был выстлан белой плиткой, посеревшей от времени. Местами проходили трещины. Стены были небрежно покрашены зелёной краской, а потолок демонстрировал следы старых подтеков.

Найд с Рамисом прошли до лифта, который находился в конце коридора. Можно было подняться и по лестнице – невысоко, всего второй этаж, но усталые ноги гудели. В самом лифте было душно и тесно. Тускло горела лампочка. Стены были кое-где исписаны черным маркером.

"Свободу беженцам!"

"За труд отличный не получить прописки столичной"

"Уголь – наше (зачеркнуто) все!"

Найд сжал челюсти. В нем отзывалась каждая прочитанная каракуля. Лифты и туалетные кабинки были словно отдушиной для тех работяг, которые не имели никакой возможности изменить что-то в своей жизни. А так – написал остроумное на стеночке, и на душе полегчало.

Медпункт находился в левом крыле основного корпуса. Второй этаж почти ничем не отличался от первого: та же белая плитка, те же зелёные стены и ячеистый потолок.

– Фига мы наследили! – удивился Рамис, оглядываясь.

По белой плитке можно было проследить весь их путь до медкабинета. Следы двух пар ног ровненько шли от лифта до двери. Найд махнул рукой. Все равно ему попадёт. Подумаешь, наследили. Это не самый страшный проступок на сегодня.

Рамис кивнул Найдю на дверь медкабинета и прислонился к стене спиной, закладывая руки в карманы. Найд постучался и вошёл.

Вышел он через пару минут.

– Ну, что?

– Да, ничего. Норма. Годен, – слабо улыбнулся Найд.

– Даже отгул не рекомендовали?

– Не-а.

– А ты и не настоял? – нахмурился Рамис.

– А я и не настоял, – вздохнул Найд, – опять двадцать пять.

Рамис покачал головой, но ничего не сказал. Найд понял его и без этих нравоучений.

Добыча угля была основным профилем Вероны – рабочего городка, в котором Найд проживал. Конечно, кто-то форменно поиздевался, назвав это Вероной, и отец Найда, пока был еще жив, любил со вздохом приговаривать «Здесь вам не Италия!». Но городок называли именно так – может, в честь палящего солнца, а, может, чтобы хоть как-то морально поддержать беженцев, хотя, признаться, выглядело это скорее как издевка.

Верона представляла собой город-убежище и располагалась на пограничных территориях, в ходе войны полностью отошедших к государству СТОБР. Аббревиатура расшифровывалась как «Союзные территории округов бывшей Российской Федерации». До относительно недавнего прошлого Верона не была заселена, города как такового вообще не существовало. Гористая местность с частыми оползнями, песчаные пустоши, палящий зной – эта территория сочетала в себе многие факторы, делаясь нежеланной и неудобной для сторон конфликта. Верона, точнее, ее территория, была попросту никому не нужна – еще и потому, что располагалась обособленно от любых ближайших населенных пунктов. Занимать позицию там было бессмысленно – на сотни километров вокруг не было ни души. Но все изменилось, когда СТОБР перестал справляться с бесконечным потоком беженцев, которые ломались в крупные города и рисковали создать рост безработицы для основного населения. Не говоря уже о растущем уровне преступности и новом экзотическом веществе под названием «маза», которые некоторые прошаренные товарищи умудрялись протаскивать через границу и «делать бизнес». Мазой вещество называлось, потому что после него сильно «мазало» – то бишь, хотелось спать. Примерно в то время верхушку осенило идеей: а что, если сделать рабочие городки, обособить их от остальной территории и обязывать беженцев работать там в обмен на обеспечение их безопасности? И это, как ни странно, сработало – ведь Союзные территории были единственным оплотом спокойствия на сотни тысяч километров вокруг, а то и за океаном. Многие даже обрадовались требованию работать – никакой тебе безработицы, которая бы поставила тебя на грань выживания! Это был реальный шанс. Единственный минус: беженцы становились фактически невыездными. Хотя официального запрета на передвижение не было, эта невозможность обеспечивалась несколькими факторами.

Во-первых, каждого совершеннолетнего беженца закрепляли за его рабочим местом. Существовала общая база беженцев, и при желании любой работодатель мог связаться с распределительным отделом и узнать, не сбежал ли его работник с предыдущего места работы. В случае побега на беглеца налагался большой штраф и запрет на выезд. За рецидивы – тюремное заключение.

Во-вторых, в сети рабочих городков циркулировала валюта, отличная от основной валюты страны. Это делало выживание на чужой территории как минимум неудобным. «Рабочая» валюта называлась никелем.

В-третьих, идентификаторы столичного жителя и беженца – они ранее назывались паспортами, в корне отличались. Вычислить «бегуна» было не так-то сложно. Беглец, решаясь на столь кардинальный шаг, был вынужден только прибавиться к криминальным группировкам, чтобы хоть как-то выжить. Ну, или выживать в одиночку – только не у всех имелись яйца для этого.

В целом, бежать в крупный город кроме как ради криминальной жизни, смысла не было. На работу не возьмут, покушать и переночевать – у тебя в кармане звенят никому не нужные никели. Еще кто заметит – сдаст с потрохами, желая заслужить плюшки от начальства или органов...

План звучал красиво. Придраться тоже было не к чему. Хочешь выжить? Соблюдай условия страны, в которых ты оказался. В целом, все выглядело не так уж плохо: первые два года беженцы получали пособия и регулярную материальную помощь в виде одежды, медикаментов, простенького, но отдельного жилья. Затем неподалеку от Вероны открыли месторожде-

ние угля, а это значило очень много! Во-первых, уголь – это энергия, что в мире на пороге энергетического кризиса звучало как весомый аргумент. Во-вторых, Верона была обеспечена сотнями, а то и тысячами новых рабочих мест, что позволяло расширить границы и открыть новые квоты для беженцев. От этого выиграли все.

Оставалось только защитить ставшие лакомыми для недружественных соседей территории, но это СТОБР прекрасно умел и ранее доказал десятками успешных военных кампаний. Пока на Верону никто не покушался.

Найд, как и многие жители Вероны, работал на шахте. Шахта была основной сферой деятельности городка. С момента открытия месторождения все крутилось вокруг добычи угля. Потерять работу для беженца было катастрофой: в базе в твоей карточке всегда будет запись о каком-либо твоём проступке, послужившем причиной увольнения. Именно поэтому Найд так боялся идти на ковер. Но знал – его вызовут.

Они с Рамисом спустились на первый этаж и, по пути к проходной их остановил охранник.

– Найд Хаглоу? – сухо спросил он.

– Я, – со вздохом отозвался Найд.

– Безопасник тебя к себе требует. Только что звонил. Кабинет 301.

Найд взглянул на Рамиса, тот сжал ладонь в кулак и притворно нахмурился, словно призывая друга крепиться. Найд попросил подождать его где-то поблизости и на ватных ногах зашагал обратно к лифту.

Кир Баксон сидел за столом на облезлом кресле с колесиками. Увидев Найда в дверном проеме, сухо кивнул на стоящий перед столом табурет.

– Присаживайтесь.

Он изучал какие-то бумаги, хмурясь. Баксон был обрюзгшим, лысеющим мужчиной за 50, и от него постоянно воняло потом. Он носил засаленные рубашки и любил расстегивать их чуть ли не до пупка, оголяя волосатую грудь.

Найд отодвинул табурет, сел на самый краешек. Напрягся. Ожидание добавляло нервозности.

Безопасник пододвинул к Найду листочек, который до этого читал, и простую шариковую ручку.

– Распишитесь.

Стараясь не выдать себя дрожью в руках, Найд пододвинул документ ближе к себе и не сдержал возмущенного выкатывания глаз.

«Объяснительная. Я, Найд Хаглоу, 25 июля 2070 года в 11:37 находился на смене в шахте Верона-1 в составе 15-ой бригады. В момент обрушения свода шахты я работал на участке 23-А, а именно: производил управление угледобывающим комбайном. По невнимательности я совершил ошибку и направил резец комбайна на неукрепленную область, в результате чего последовал обвал породы и поломка комбайна»

Найд от такой наглости хмыкнул и вернул бумагу на стол. Это была даже не объяснительная, а признательная. Из которой ясно следовало, что ему придется забесплатно отработать как минимум несколько смен, а как максимум – из его зарплаты вычтут стоимость ремонта комбайна. Хотя, есть вероятность, что одного оклада даже не хватит...

– Ну? – непонимающе уставился безопасник на Найда, – дату, подпись ставьте.

– Нет, – твердо сказал Найд и даже удивился, насколько решительно это вышло.

– Что?

– Я не буду это подписывать.

Баксон начал медленно багроветь. Он расстегнул еще одну пуговицу на своей рубашке и встал с кресла, опираясь на стол и нависая над Найдом.

– Вы, похоже, не понимаете. Это ваш шанс выйти с минимальными потерями. Или вы хотите, чтобы мы провели проверку? Я в объяснительной еще не написал про две сломанные гидравлические опоры! Вы представляете себе их стоимость? Но я пожалел вас! А вот после проверки мне уже не удастся вас отмазать... Либо вы влетите на огромный штраф, либо вас уволят за непростительную халатность. Зря вы так не цените свою работу, Найд. На место шахтера стоит очередь из кандидатов.

– Ну да, ну да, – еле слышно усмехнулся себе под нос Найд.

Кир Баксон поджал губы, как будто ему нанесли личное оскорбление.

– Вы зря смеетесь, очень зря, – продолжал он, нажимая какую-то кнопку на стационарном телефоне, – у меня есть свидетели вашего халатного поведения.

– Да? – изумился Найд, понимая, что переигрывает, – Кто же?

– Я не имею права говорить.

– Да нет же, пусть повторят еще раз при мне. Хоть буду знать, с кем бок о бок работаю.

В кабинет бойко вошла Мила, помощница безопасника и оценивающе взглянула на Найда. Он чуть не свернул голову, не в силах оторвать взгляда от ее длинных ног. Короткая юбка только подчеркивала это.

– Мила, будем оформлять проверку сейчас, – буркнул Баксон.

Девушка поняливо кивнула и подошла ближе к начальнику, остановившись за его спиной.

«Он же просто меня запугивает! Или нет? А даже если нет? Что с того?»

Все внутри Найда вопило о том, что как бы он ни старался, сухим из воды не выйдет. Если бы он сразу был более покладистым и подписал объяснительную, отделался бы легким штрафом. А теперь безопасник его не простит. Хотя...

Внутри Найда уже давно что-то подкипало.

– Я даже настаиваю на проверке! – неожиданно громко произнес Найд, – И я прошу отметить, в присутствии вас, Мила, – он внимательно посмотрел на девушку, – что все сказанное далее я зафиксирую в письменном виде и лично передам управляющему.

Найд встал с табурета и слегка покачнулся от волнения. Впервые он вел себя подобным образом. Но он чуть было не погиб там! Неужели его жизнь реально ничего не стоит? Если он послушно проглотит это сейчас – да. Его жизнь действительно ничего не стоит.

– Во-первых, в вашей объяснительной вы, господин Баксон, намеренно или случайно, допустили ошибку. В свою смену я не управлял пультом комбайна и, соответственно, не допускал никаких оплошностей. Свод шахты посыпался, потому что в том месте не было никаких укреплений, и вибрация, вызванная работой комбайна, развалила породу. А вот почему не было укреплений на участке, где они обязательно должны быть, это пусть выясняет проверка. Также, прошу отметить, – он обвел взглядом вытянувшиеся лица безопасника и Милы, – что в момент обрушения я чудом выжил, но оказался заперт в ответвлении технического коридора. Я хотел подать моим товарищам сигнал о помощи, но у меня не было рации. А когда воздух кончился, и я начал задыхаться и применил самоспас, выяснилось, что он нерабочий! Как же так, господин Баксон? – Найд прищурился, смотря прямо на него, – Разве в вашей методичке по ТБ нет пункта об обязательном оснащении каждого участка и каждого шахтера в частности? Почему у нас одна рация на бригаду? Почему самоспас не сработал? – Найд остановился, чтобы отдышаться. От волнения он почти задыхался, в горле было сухо.

– В-третьих, – кашлянув, глухо продолжил он, – после своего спасения я узнал, что из диспетчерской пришел приказ не разбирать завал, хотя мои товарищи сообщили, что за завалом находится человек. Меня пытались убить, м? Ну и последнее: во время обвала я был один, и меня никто из других шахтеров не видел. Мне очень интересно узнать, вы просто специально мне сказали, якобы у вас есть свидетели? Или вы запугали кого-то ради признательных показаний? Или купили?

– Пошел вон, – не выдержал безопасник.

Он сказал это тихо, но в голосе явно читалась агрессия.

– Вон пошел, – повторил он, тяжело дыша.

Найд на ватных ногах отправился прочь из кабинета. Сердце гулко стучало, дыхание перехватывало.

«Что же я наделал?» – крутилось у него в голове.

Найд был уверен, что это конец. Его вышвырнут! И зачем он попер против начальства – да еще против самого безопасника! Это же чуть ли не второй человек на шахте! По крайней мере, по влиянию на управляющего.

Найд зашел в лифт и несколько раз сильно стукнул себя по лбу ладонью.

«Я идиот! Идиот!» – ругал он себя, представляя, что его ждет.

Методы воздействия на работяг были стары, как мир. Либо за ним найдут парочку прошлых косяков, от которых Найд не сможет отмазаться, либо будут пристально следить в будущем и чуть ли не каждый шаг за ним записывать, чтобы потом предъявить... Либо иначе как-то подставят. Дело закончится крупными штрафами, если не увольнением. Вероятно, своим выпадом Найд сильно перешел дорогу начальству шахты. И он знал это. Единственная причина, по которой Найд не сдержался на этот раз, хотя раньше доводилось подписывать подобные унижительные признания – сегодня он чуть не погиб. Едва не оказался завален по чьей-то халатности или жадности... И это было уже пределом даже для такого терпилы, как Найд.

Но вот если бы Баксон перед Найдом извинился, и дело бы обошлось без всяких там подстав – Найд бы не стал раздувать ситуацию. Он был в этом уверен. Он боялся потерять свою работу, хоть она и была неблагодарной. Боялся, что однажды он окажется перед неизбежным увольнением или невозможностью работать вследствие травмы – и не найдет смелости что-то изменить. Менять уклад жизни было страшно, и Найд убеждал себя в том, что это практически невозможно. Все тяжело работают в Вероне. С чего бы ему быть исключением?

«И все равно, – сказал себе Найд, выходя из лифта, – даже если я чуть не погиб, наверное, не стоило так говорить с ним. Я ведь ничего не добыю. Ничего, точнее, хорошего»

Он прошел через проходную, дежурно кивнув охраннику и приложив карточку к турникету на выходе. Рамиса в здании не было. Найд предположил, что друг дожидается его на улице и пошел по направлению к дверям.

Высказывая открытые обвинения Баксону, Найд действительно сильно рисковал. Каждый управленец в Вероне был априори выше рядового жителя. Все административные должности в городе занимали граждане. Их юридический статус не шел ни в какое сравнение со статусом беженца. Другое дело, что, как поговаривали, управленцев просто так в захолустные городки по типу Вероны не отправляют. Надо было чем-то не понравиться начальству, сдерзить, перейти дорогу, облажаться...

Поэтому свое пребывание в Вероне, пусть и на управляющих должностях, они вполне справедливо считали наказанием. Были бы сговорчивее или умнее – не оказались бы в этой дыре. Но тут они были местными царьками, и от их слова зависело многое. Очень многое... Учитывая, что беженцам приходилось обеими руками держаться за рабочие места и кристально чистую репутацию, любой управленец мог бы с легкостью поспособствовать превращению жизни в ад – тому, кто перешел ему дорогу. Это случалось, хоть об этом редко говорили вслух. Но случалось всякое.

Тяжелее всего приходилось хорошеньким девушкам. За отказ в сексуальных услугах какому-нибудь «царьку» они могли расплатиться даже тюремным заключением. Ведь у каждой найдется хотя бы парочка нарушений. А если нет – на это всегда можно спровоцировать... Девушки Вероны негласно разделились на два лагеря: те, кому было проще дать и иметь с этого какие-то блага и те, которые предпочитали довольствоваться тем, что имели и не лезть туда, где их могут заприметить.

Впрочем, безнаказанность администрации города была лишь одной стороной медали. Вторая же сторона заключалась в том, что по каким-то неизвестным простому народу причинам в Верону не доезжала львиная часть поставок. Найд знал это. Рации у него не было просто потому что ее в принципе не было. Не было нужного количества раций для обеспечения каждого члена бригады. Возможно, с десятков раций где-то лежало на складе, но их берегли на случай поломки используемых... И еще Найд мог вполне поверить, что на укрепление обвалившейся зоны в шахте также просто не хватило материалов. Это не было редкостью в Вероне.

Найд вышел из основного корпуса, вертя головой по сторонам. Рамис дождался его чуть поодаль, в тени, под небольшим навесом, прислонившись спиной к деревянной опоре.

– Э, да на тебе лица нет! – воскликнул Рамис, когда Найд подошел, – Давай, колись. Все плохо?

Найд нашел в себе силы только кивнуть. Рамис не наседавал с расспросами, терпеливо ожидая, пока тот соберется с духом.

– Держи, полегчает, – Рамис покопался в кармане штанов и протянул Найдю плоскую деревянную коробочку с самокрутками и спичками.

Найд покрутил ее в руках. Коробочка была самодельной, но по качеству исполнения невозможно было сказать, что Рамис вырезал все эти узоры затупившейся толстой стамеской, сидя у себя на кухне. По крышке коробки шли морские волны, в уголке – искусно изображенная рыбешка. Она словно готовилась вынырнуть из бушующей стихии. И даже чиркаш сбоку был – Рамис все предусмотрел.

– Тонкая работа, – похвалил Найд, закуривая.

Рамис посмотрел на него, прищурившись и усмехнулся.

– Ты уже сто раз говорил.

Найд покачал головой, слабо улыбаясь. Говорил, и не раз! Нахваливал в надежде, что друг согласится сделать и ему такое же, но Рамис был непреклонен. «Штучная работа, не могу повторить», – повторял он. На просьбу сделать не точно такую же, а другую, он тоже отнекивался. Не хочет, и все тут.

– Ну, так что, – не выдержал Рамис, – будешь молчать? Зачем тебя вызывали-то?

Найд закурил и, скривившись, выпустил облачко дыма изо рта. Голову начинало ломить от всего сегодняшнего нервяка, и пересказывать все это совсем не хотелось. Но Рамис волнуется...

Найд рассказал все, что произошло в кабинете у безопасника. Он рассказал довольно сухо, словно боясь выпустить просящиеся наружу эмоции: гнев, обиду, страх. Рамис некоторое время молчал, не спуская глаз с друга.

– Это, конечно, трешак, – наконец, нашел он подходящее слово, – реальный такой трешак. Вот же ж твари! Вот же ж... А ты... Я даже не знаю, что сказать. Я считаю, ты все правильно сказал и сделал. Нехрен такое подписывать! Ты чуть не погиб! А когда все же выжил, чуть не погиб еще раз – по распоряжению из диспетчерской! – Рамис отлип спиной от опоры и принялся ходить кругами в волнении, – Это же немыслимо! Тебе полагается компенсация! Надо было еще запросить компенсацию!

– Ну да, – усмехнулся Найд, – и вылететь с удвоенной скоростью!

Рамис недовольно цокнул и сделал затяжку, не замечая, что цилиндрок пепла падает ему на штаны.

– Да уж. Сложная ситуация, – резюмировал он, – Но я на твоей стороне. Не ожидал, конечно, от тебя такого. Да и сам бы вряд ли стал быковать. Хотя...

Найд молчал. У него не было сил обсуждать это далее. Он лишь чувствовал нависшую над собой неизвестность.

– Я считаю, ты прав, – продолжал Рамис, туша сигарету об опору навеса, – реально прав. И, думаю, теперь придется быковать до конца. Едва дашь слабину – тебя сомнут.

– Меня и так сомнут, – невесело усмехнулся Найд, – ну да что мы об этом...

Он тоже оперся на деревянный столб. Выудил из глубокого кармана джинсового комбеза плоскую флягу с водой и, открутив крышку, сделал пару глотков, после чего протянул Рамису. Тот молча принял флягу, отхлебнул. Поморщился.

– Нагрелась, сцуко.

– А что ты хотел? С самого утра ношу. Кстати, можно стрелкнуть у тебя парочку самокруток про запас? Табак давно не завозили...

– Бери, – пожал плечами Рамис, – а насчет табака: сам вчера пять ларьков оббегал. Нашел в последнем и опустошил их запасы. В столице, видать, совсем оборзели: уголь им подавай, а вы там как-нибудь обойдетесь.

– Суки.

– И не говори.

Подходя к своему небольшому одноэтажному домику, Найд заметил свет в окне, и у него на душе стало теплее. Апани еще не ложилась: сидит, ждет его. За семь лет работы Найда шахтером его жена уже смирилась с тем, что муж постоянно задерживается, и уже позволяла себе спокойно ложиться спать без него. Так было не всегда: первые пару лет Апани было сложнее всего: она нервничала, не находила себе места от беспокойства. Могла подолгу стоять у окна, у калитки, дожидаясь Найда. Апани была привязана к мужу, даже слишком. Мысль, что с ним что-то случится, была, пожалуй, самой мучительной для нее.

Возвращаться вовремя у шахтеров никогда не получалось. Хотя рабочие смены были прописаны в договоре, на деле соблюдать график оказалось невозможным. Как уйдешь с работы вовремя – то есть, раньше других? Ведь это придется гонять туда-сюда вагонетку. За это по голове уж точно не погладят. В методичке по ТБ четко сказано: спуск и подъем только в составе бригады. Поэтому приходилось ждать, пока вся бригада закончит работу и дружным скопом поедет наверх. А бригада хочет показать лояльность начальству, которое требует высоких показателей. И против команды тоже не попрешь – останешься в меньшинстве. Многие не упускали шанс подлизаться и быть на хорошем счету.

Найд дернул скрипучую деревянную дверь, в тесном коридоре вылез из ботинок, сунул уставшие ноги в резиновые тапочки и прошел на кухню. Желтая лампа освещала помещение в радиусе полутора метров, не больше. Апани сидела за столом, перед ней лежала раскрытая еженедельная газета «Новая жизнь». Их печатали в столице специально для окраин, и Найд был на сто процентов уверен, что информация на этих страницах жестко фильтруется.

– Чего не спишь? – спросил первым делом Найд.

Апани зевнула и укуталась в красно-синюю спортивную кофту, надетую поверх ночнушки.

«Значит, легла и встала, ага», – понял Найд. Он подошел к жене и, наклонившись, слегка приобнял ее за талию. Апани была чуть полновата, и Найду нравилось, какая она мягкая. Ее длинные прямые черные волосы были завязаны в толстую косу. Несколько коротких прядей выбилось на лоб, и Апани завела их за ухо. Она доверчиво взглянула на мужа своими чуть раскосыми глазами.

– Да что-то сегодня забеспокоилась. Знаю-знаю, ты всегда задерживаешься, я ж тебе ничего не говорю. Я рада, что ты пришёл, – она улыбнулась.

Апани всегда говорила так, как будто боялась, что её наругают. Найду сначала нравился кроткий нрав своей жены, но со временем это начинало подбешивать. Слово поперёк не скажет, если только в исключительных случаях. Со всем соглашается. Но почему-то ему казалось, что в глубине души Апани относится к нему совсем по-другому. Найд не мог найти подтверждений, но ему казалось, что жена его в чем-то обманывает. А он терпеть не мог, когда его водят за нос.

Вздыхнув, Найд повернулся к газовой плите, на которой стояла чугунная сковорода с высокими бортами. Он не понимал, хочется ли ему есть после всего пережитого за сегодня. Он должен был проголодаться, по идее. Но организм молчал, ничего не требуя.

– Ложись, – буркнул Найд жене, – завтра небось рано на работу.

Апани работала воспитательницей в детском саду. Найд всегда удивлялся, как жене с таким кротким характером удавалось выжить среди этих мелких бесов. Тем не менее, с ними она справлялась на ура, еще и говорила, что они сущие ангелы.

«Угу, скорее, ссущие!»

– Сейчас, разогрею тебе только, – Апани поднялась со стула и повернулась к плите.

– Иди, иди, я сам управлюсь. Или посиди здесь, я тебе чай сделаю.

Найд хмурился, разглядывая жену. Она явно чего-то недоговаривала.

– Чай хочешь? – повторил он, видя, что Апани молчит.

– У нас опять человек пропал, – вместо ответа на вопрос сообщила она, – страшно.

«Ага. Так вот почему она встала. Накрутила, небось, себя»

Найд оперся о столешницу. Он начинал потихоньку злиться. Ему жутко не нравилось, когда жена начинала перебирать в голове мыслимые и немыслимые теории, запугивая его, но в первую очередь саму себя. Он не видел смысла в этих рассуждениях. Что до исчезновений людей... они действительно были.

– Это тебе кто сказал? – стараясь говорить спокойнее, спросил Найд.

– Вера. У неё же муж в полиции работает, помнишь?

– Угу.

Найд встал вполоборота к жене, засыпая заварку в чайник.

– Сказала, поступило заявление.

– Да, может, сбежал? Не всем тут нравится, точнее, – он усмехнулся, – я бы сказал, найди, кому тут вообще нравится!

Апани вздохнула и опустила глаза.

– Согласна. Могло быть и так.

Опять она «согласна»!

– Тогда чего ты беспокоишься?

Она пожала плечами.

– Сам знаешь.

И Найд знал. Это было не первое исчезновение. За последний месяц пропало без вести около четырёх человек, а, может, и больше. По крайней мере, по официальным данным, в полиции лежало четыре заявления на розыск.

Это было странно. Местные никогда не торопились подавать в розыск, зная, что их пропавший друг или сосед мог просто попробовать сбежать в поисках лучшей жизни. Такое нечасто, но случалось. А за побег прилетали огромные штрафы, а то и тюремное заключение с исправительными работами.

Если же пропадал кто-то, кого ты не особо любишь, то проще и выгоднее было бы просто сообщить властям или непосредственному начальнику сбежавшего. Стукачество в Вероне поощрялось – информатор мог получить деньги, повышение или какие-то еще блага, в случае, если его донос окажется полезным.

Бежать было реально глупым решением. Если уж так не нравилось в Вероне, можно было подать заявление на перераспределение. Это был единственный легальный способ сменить место жительства. Но, опять же: тебя отправят в другой, но по сути такой же рабочий городок. Возможно, ты получишь там чуть более легкую работу. Возможно, управляющий городка будет лучше следить за порядком, и жизнь станет чуточку краше. Но также было возможно и обратное. Рисковать мало кто хотел. Многие предпочитали смириться и сидеть на жопе ровно, не создавая колебаний, которые впоследствии могли сбить их самих с ног...

Поэтому Найд, хоть и говорил жене про возможные побеги, все же сам прекрасно понимал, что с исчезнувшими что-то случилось. Что-то явно не очень хорошее. Убийства в Вероне бывали – то драка по пьяни, то домашнее насилие, на которое полиция не обращала ровным счетом никакого внимания. А еще могла нагрянуть банда из другого города... Все могло быть.

Найд не хотел допускать и мысли о том, что они с женой потенциально находятся в опасности. Если он признает это, придется предпринимать действия. Поэтому он снова и снова закрывал на происходящее глаза, надеясь, что оно само как-то разрулится. Поймают этого загадочного убийцу или похитителя, посадят или вышлют куда-нибудь... И снова будет Верона в безопасности!

Пока он думал, Апани сидела молча, теребя в руках подол ночнушки. Про происшествие в шахте Найд решил жене ничего не говорить. Ему не хотелось ее дополнительно нервировать. Кроме того, она обязательно начнет паниковать, задавать кучу вопросов, а Найд был к этому не готов. Он бы хотел скрыть это от нее. Если только Рамис не проговорится...

«Надо будет его предупредить!» – подумал Найд.

Глава 2

– Алиев! Рамис! – Толстая учетчица потрясла пухлой от времени тетрадью, высовываясь из окошка раздачи.

– Чего тебе? – буркнул Рамис, нехотя возвращаясь к окошку.

– Каску, фонарь, самоспас взял?

– Взял.

– А подпись поставить?

– Забыл.

– Забыл! – Она грубо раскрыла тетрадь на месте, заложенном треснутой шариковой ручкой, – Ставь!

Рамис размашисто расписался.

– Вот! Довольна?

Он был не в настроении и ворчал не только сейчас, но и всю дорогу до шахты. Найд не привык видеть друга таким, но тот сказал, что все ещё не может переварить произошедшее вчера. Особенно поведение Баксона.

Учетчица распрямилась, поставив руки в боки.

– А что ты на меня бурчишь? – Возмутилась она, – Внутренний распорядок. Взял вещи – поставил подпись. Я что ли это придумала?

– Ладно, ладно, – примирительно подняв ладони, улыбнулся Рамис, – виноват. Исправился.

– Ну то-то же, – скривилась учетчица.

Найд был следующим в очереди. Перед ним на прилавок легла поюзанная рация.

– Это что?

Учетчица хмыкнула.

– Это тебе лично в руки просили передать.

Найд с Рамисом недоуменно переглянулись.

– С-спасибо, – выдавил Найд, бережно беря рацию.

– Фамилию, подпись, – учетчица ткнула пухлым пальцем в нужную строчку, – и напиши, что рацию получил.

«Погодите-ка, – пронеслось в голове у Найда, – такой аттракцион невиданной щедрости неспроста. Что-то явно не так. Но что?»

– Рабочая ли она? – прошептал Найд Рамису, отклоняясь от окошка, – А то повесят на меня поломку...

Рамис скривился и пожал плечами.

– Ну! Подпись ставь, бери остальное и иди! Очередь тут собрали!

Найд, не обращая внимания на недовольные вопли учетчицы, спокойно включил рацию и дождался, пока загорится световой индикатор. Хотя бы работает. Тут подвоха нет. Поставив подпись, он отошел от окошка. Сложил налобник и рацию внутрь каски, чтобы было удобнее нести. И направился вслед за Рамисом – в раздевалку.

– Мужики, погодьте!

К ним подбежал лопоухий веснушчатый пацан, Юрец – так его все в бригаде называли. Он все как-то пытался приучить их к своему настоящему имени, но оно было настолько труднопроизносимое, что его просто-напросто переименовали. Юрец смирился. К тому же, он был самым молодым не только в этой бригаде, но и среди прочих шахтеров. Куда уж ему права качать против ветеранов?

В пятнадцатой бригаде было раньше десять человек, потом осталось восемь – после того, как двое шахтеров ушли на заслуженную пенсию. Правда, без привычного занятия те двое быстренько спились и совсем сдулись. А что еще делать в Вероне? Рабочий городок, развлечений не так-то уж и много, а что им, почти старикам, будет интересно? На качелях кататься? Это для детей. В кино ходить? Разве что, но показы фильмов скорее редкость, чем регулярное развлечение. Гулять по пыли и зною? Тоже занятие так себе. Телевизоров в домах у простых работяг не водилось. Вот и оставалось – газету читать, алкоголь хлебать да за жизнь тяжелую тереть. Ходили, правда, в Вероне и разные запрещенные вещества – но ими больше подростки баловались. Старики относились к такому с опаской. Впрочем, даже не столько из-за вреда здоровью – обычный табак курили все поголовно, сколько из-за возможных штрафов со стороны администрации города. Любое курево, не являющееся табаком, было строжайше запрещено. Но все равно просачивалось, несмотря на принимаемые меры.

Когда из бригады ушли те двое, к ним поставили Юрца. Среди шахтеров бытовало поверье, что в бригаде обязательно должно быть четное количество человек – иначе жди беды. Но в диспетчерском пункте поверья шахтеров не разделяли, а потому был прислан к ним один только Юрец, и в бригаде их стало девять. Юрец понимал, почему на него так угрюмо смотрят и молчат – Найд уже успел ввести его в курс дела, но изменить ничего не мог. Даже если бы Юрец захотел уйти с шахты, не смог бы – договор всегда подписывался минимум на год, а учитывая сложности с распределением, сменить работу было довольно трудно. Таковы правила. Уйдешь раньше – плати неустойку. Денег у пацана, разумеется, не было – так что же ему оставалось? Пахать, пока не выйдет срок, прописанный в договоре. Ну, или надеяться, что в бригаду придет кто-то еще, и число шахтеров станет вновь четным. Юрец крутился, как мог, и старался выложиться на двести процентов – наверное, чтобы доказать остальным, что он не «плохая примета».

– Чего тебе, Юрец?

– Мужики, вы в курсе, что вчера, когда Найда завалило, и сверху сказали не разгребать завал, это потому что датчики обнаружили в тупиковых коридорах подозрительное движение?

Найд закатил глаза.

– Опять свежие сплетни? Откуда ж ты все время эту херню берешь?

Юрец переминался с ноги на ногу.

– Молчишь. Значит, опять нафантазировал, – вынес вердикт Найд и пошел в сторону раздевалки.

Прозвучал сигнал: пора отправляться. Шахтеры поспешили на монорельс. В небольшом закуточке их дожидалась вагонетка, похожая на остов маршрутки без стекол и обивки сидений. Слезшая от времени синяя краска, холодные металлические сиденья, погнутый местами потолок. Бригада в количестве девяти человек погрузилась в вагонетку, и Найд, севший на последний ряд сидений, ближе всех к пульту управления, нажал зеленую кнопку. Зеленая кнопка приводила вагонетку в движение в направлении шахты, желтая – на поверхность, а красная кнопка служила тормозом. Все просто.

С небольшим толчком, противно скрипнув колесами, вагонетка тронулась. Она спускалась в шахту под небольшим углом, то разгоняясь, то притормаживая – это Найд иногда нажимал красную кнопку, следя за плавностью хода. По стенам и потолку шахты тянулись мощные укрепительные конструкции и вязь разноцветных проводов. Впрочем, то, что провода были разноцветные, можно было разглядеть только в непосредственной близости фонаря – а фонари здесь были через каждые два метра. В промежутках между фонарями и провода, и все остальное казалось каким-то обесцвеченным.

Найд украдкой наблюдал за остальной бригадой: он сидел позади всех, и это было легко сделать, оставаясь незамеченным. В раздевалке к нему по очереди подходили товарищи по бри-

гаде, справлялись о самочувствии, интересовались содержанием разговора с Баксоном. Найд же все никак не мог выкинуть из головы то, что эти же самые люди, которые сейчас вроде как искренне беспокоятся о его здоровье, вчера едва не отправились наверх без него. Зная, что он жив и находится за завалом. Просто слепо выполняя распоряжение начальства. И если бы Рамис до них не достучался... Нет, разумеется, даже если бы все поднялись на поверхность, Рамис бы остался и собственноручно разбирал бы завал. Что бы ему за это ни грозило. В друге Найд был уверен. А вот остальные коллеги... Найд, пожалуй, впервые в жизни подумал, что они настолько сломаны системой, что им проще закрыть глаза на гибель человека, чем держать ответ перед начальством.

«Ладно, Юрец еще слишком молод, внушаемый... Но остальные...»

Погруженный в свои мысли, Найд не заметил, как вагонетка слишком разогналась, и резко нажал на тормоз. Ильяс, самый старый из шахтеров, обернулся и недовольно зыркнул на него. Найд ответил ему прямым взглядом, помня о том, что именно Ильяс говорил по рации с диспетчерской. Именно он получил распоряжение подниматься и первым решил последовать ему. Найд никак не мог уложить в голове то равнодушие, с которым Ильяс, по словам Рамиса, передавал распоряжение бригаде.

«Я в какой-то заднице, – пронеслось у Найда в голове, – такое просто не должно происходить со мной. Но оно происходит...»

Вагонетка выехала с наклонной плоскости на прямую, и Найд, последовав по ответвлению монорельса, загнал ее на стоянку. Тут было еще несколько вагонеток – это приехали более ранние бригады. Дальше ехать было невозможно, передвижение только на своих двоих.

Шахтеры вылезли из вагонетки. Найд натянул респиратор, включил налобник и проверил резинку защитных очков. Вроде бы все в норме. В зоне непосредственной добычи угля невозможно было находиться без средств защиты. В воздухе витала каменная крошка, а постоянная вентиляция коридоров разносила ее от места работы комбайна на огромные расстояния. С потолка шахты капала вода, она же сочилась по стенам и даже откуда-то снизу. Впрочем, шахтеры имели резиновые сапоги и защитные ярко-желтые ветровки, поэтому воды можно было не бояться.

Большая часть шахтеров в пятнадцатой бригаде были уже в возрасте. В шахтах Вероны разрешалось работать до шестидесяти пяти лет, и самому старшему, Ильясу, было уже шестьдесят два, а самому младшему – Юрцу – едва стукнуло двадцать. Найд с Рамисом, несмотря на внушительный стаж в семь лет, все еще считались зелеными по сравнению с ветеранами угледобычи. Старшие общались с ними свысока, снисходительно. Поэтому друзья старались держаться в двойке, когда это было возможным. Юрца ветераны вообще в расчет не брали, и тот таскался с Найдом и Рамисом, как неприкаянный, хотя те тоже не были особо расположены к общению с ним. Юрец очень любил поговорить, особенно обсудить свежие сплетни. И все бы было ничего, но паренек озвучивал порой такие странные версии, что казалось, он начинался триллеров или детективов. Найда подбешивала склонность Юрца верить во всякие теории заговора. Он словно искал, к чему прицепиться и подтягивал за уши любые факты в пользу своих версий. Одно радовало: его занятные истории скрашивали серые шахтерские будни.

Шахтеры проверили экипировку, включили фонарики и разбрелись по участку, принимаясь за работу. Сегодня было необходимо выработать старый участок и подготовить его к консервации: вытащить все оборудование, вывести комбайн, снять гидравлические опоры.

Началась работа. Заревел комбайн, вгрызаясь в угольные пласты. Комбайном всегда управляли двое, с помощью удаленных пультов. Сегодня эту работу поручили Найду с Рамисом. Найд относился к управлению комбайном ответственно и внимательно следил за тем, чтобы работа механизма шла четко по плану. Во-первых, нельзя было допустить поломки комбайна: штраф за такое будет непомерно высок. Во-вторых, после вчерашнего обвала, Найд еще больше понимал, насколько хрупкими являются своды потолка прямо над его головой.

Несмотря на кажущуюся прочность, порода могла легко обвалиться от вибрации, создаваемой резцами комбайна. Правда, на этом участке все было укреплено, но в Найде уже поселились параноидальные мысли.

Несмотря на хорошие компрессоры и довольно сильную вентиляцию, в шахте все равно было довольно душно. Респиратор не добавлял легкости дыхания. Каждый глоток кислорода приходилось в прямом смысле добывать собственным трудом. Тяжелая физическая работа только усложняла задачу. Впрочем, угледобыча – вредная работа, и все это знали. Запросто можно посадить дышалку. Можно погибнуть, надышавшись ядовитыми испарениями. Можно очутиться под завалом...

Вспоминая о вчерашнем происшествии, уже под конец смены Найд пропустил момент, когда комбайн встрял в твёрдую породу и заглох, не в силах справиться с ней. Чертыхнувшись и нажав кнопку экстренной остановки, Найд пошёл разбираться, кинув Рамису рацию. Тот все понял верно и сообщил остальным членам бригады о случившемся.

Подойдя ближе, Найд удивленно присвистнул. Ножи комбайна наткнулись на нечто странное. Найд не знал, что это за порода, и как он ни светил дополнительным ручным фонарём, не мог себе ответить на вопрос, что это. Он знал одно: это не уголь, и оно – очень твёрдое. Раз комбайн заглох, значит, ему не под силу пробить эту породу. Главное, чтоб не поломка. Иначе ему голову открутят. Ну, надо ж было такому случиться, и именно в тот день, когда он стоял у пульта! Особенно после его вчерашнего выступления в кабинете безопасника! Впрочем, с везением у Найда было туговато. Он это знал и уже смирился. «Просто надо быть осторожнее», – повторял он себе, как мантру. Но где же здесь ему следовало быть осторожным? Разве он виноват в случившемся? Нет. Как и вчера не был. Только это никого не будет интересовать.

Стянув перчатку, Найд дотронулся до камня. Ничего особенного. Холодный, твёрдый. Только вот пульсирует слегка... Или это пульсируют его пальцы?

Сзади подошли Рамис с Ильясом.

– Ну, что заглохли? – ворчливо поинтересовался Ильяс.

– Да вот, – развёл руками Найд, – не понимаю сам. Комбайн отказался тут работать.

– Разберёшься.

Убедившись, что ситуация вовсе не критическая, Ильяс махнул рукой и ушёл на свой участок. Сегодня он занимался обслуживанием системы освещения в шахте. Ему не хотелось возиться с этими недоумками. Они все равно ни черта не понимали в своём деле, как ему казалось.

– Я свяжусь с диспетчерской, – сказал Рамис и отошел к пульта, ожидая, что сверху дадут распоряжения. Включать комбайн после экстренной остановки без указания сверху никто не хотел. Это было чревато.

Найд снова остался один. Он провел рукой по холодному камню, с удивлением отмечая, что вибрация все-таки имеется. Словно там, за стенкой, жужжал огромный рой пчел. Вибрация была еле ощутимая, но постоянная. Найд нахмурился, стянул и вторую перчатку и попробовал ощутить это и левой рукой. Да. Вибрация определенно была. И была еще одна странность. Свод шахты в этом месте был как будто оплавлен. Резкие грани камня сильно контрастировали с округлыми потеками на потолке. Это было очень странно. По стенке не стекала вода, и Найд не мог понять, почему перекаты камня такие гладкие и мягкие. Ведь ничто иное не могло бы отполировать эту стену таким образом.

Он обернулся посмотреть, что там делает Рамис. Тот как раз говорил по рации. Закончив, он спешно сунул рацию в карман куртки и поспешил к Найду.

– Что такое? – нахмурился Найд.

Рамис недоуменно пожал плечами.

– Всем шахтерам срочно подняться на поверхность.

Это было как минимум странно: из-за банальной поломки поднимать наверх всю бригаду. Однако, добравшись до места стоянки вагонеток, Найд увидел, как в них спешно грузятся и другие бригады. Значит, шахты полностью освобождают.

Спустя минуту возле вагонетки собралась вся пятнадцатая бригада в составе девяти человек: Найд с Рамисом, «плохая примета» Юрец, Ильяс, ветеран и главный ворчун. Тимур, среднего возраста угрюмый мужик, который говорил настолько редко, что мало кто знал его голос. Марк и Бенни – братья, приехавшие в шахты по перераспределению. Ранее они работали на стекольном заводе километрах в трехстах севернее от Вероны, в городке Ольховое. Про этот городок ходили не самые хорошие слухи – будто бы именно там находилась штаб-квартира дилеров «мазы», и в целом, это было очень криминальное и кровавое местечко. Последними к вагонетке пришли Лерой и Жека. Последний также был переименован из-за своего непроницаемого имени.

– Ну что, все? – недовольно спросил Ильяс, не дожидаясь ответа и выводя вагонетку на прямой монорельс на поверхность.

Найд поспешил занять место. Рамис плюхнулся рядом, потушил фонарик и, сместив каску набок, почесал голову. К ним обернулся Жека. Он уже давно был в Вероне и хорошо знал местный язык, но периодически что-нибудь путал и говорил с сильным акцентом.

– Главное, чтоб нам за полную смену заплатят!

– Заплатили, – поправил его Найд.

Жека кивнул и торопливо продолжил.

– У меня жена будет рожать скоро. Нельзя меньше денег принести.

Рамис усмехнулся.

– Это какой у тебя по счету ребенок? Десятый?

– Не-е, ты что, это шестой!

– А, сильно меняет дело! – прыснул со смеху Найд.

Жека ничуть не обиделся.

– У нас так принято. Большая семья – больше счастья. Потом, они работать будут, нам с женой помогать.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнул Найд.

Он в целом не понимал, как можно рожать детей в таких условиях. У них с Апани детей не было и, возможно, не предвиделось. Апани, конечно, не раз заговаривала с Найдом об этом, но он был непреклонен. Сами живут на грани нищеты, зачем приводить ребенка в такой мир? В мир, где у него лишь жалкая одноэтажная полуразвалившаяся халупа, где вся его стабильность – это работа на шахте, но эту стабильность легко может оборвать неудачное стечение обстоятельств? Производственная травма, например... Или, вот, внезапный обвал – как вчера.

«Зачем, – втолковывал жене Найд, – ну, зачем рожать ребенка в мире, где у тебя почти нет никаких прав, где ты не можешь сам поменять место жительства и работы, где люди мрут в больничных коридорах просто потому что нет поставок нужного лекарства? Ради чего это все? Вот ты сможешь его защитить от несправедливости и агрессии окружающего мира? Я лично не смогу, думаю, ты тоже»

Апани соглашалась, но втихаря рыдала в подушку. Где-то в глубине души она признавала, что муж прав, что все так оно и есть, но... Неужели ее жизнь будет такой же, как сейчас? И через год, и через пять лет, и через десять? Все будет вот так, как было вчера, как оно есть сегодня! И единственным изменением будет лишь увеличение количества морщин на лице...

Поднимались на поверхность почти молча. Братья Бенни и Марк о чем-то тихо переговаривались, но Найд слышал лишь обрывки фраз, ни о чем не сообщающие. Вагонетка медленно ехала вдоль вязи разноцветных проводов, на стенах все так же тускло горели редкие лампы. Найд затушил фонарик и проверил наличие рации в кармане. Собственная рация...

Черт возьми, это не улучшило ситуацию! Во-первых, он жутко боялся ее потерять или сломать. Во-вторых, он видел взгляды бригады. Рамис был не из болтливых, и потому о его вчерашнем конфликте с безопасником, кроме Рамиса из бригады никто не знал. Остальным шахтерам было непонятно, почему дополнительную рацию выдали именно Найду. Он не был заслуженным работником, не был и новеньким... Он был просто середняком – обычным, серым, неприметным. Почему именно ему выдали рацию?

Найд буквально спиной ловил на себе недовольные взгляды, когда отошел от окошка раздачи. И он даже знал, о чем подумали его товарищи по бригаде. Стукачество... Это то, что было широко распространено не только в Вероне, но и по другим рабочим городкам. Учитывая отсутствие достаточного числа камер наблюдения и доступов к закрытым разделам базы, стукачество было иногда просто необходимо управляющему составу любого предприятия. В принципе, это работало бы в любой точке мира, но конкретно здесь стукачество было возведено в ранг героизма. К тому же, подтвержденная информация щедро оплачивалась – настолько щедро, насколько это было возможно в условиях дефицита. Но тем оно и было слаще...

Найд теперь понимал, чем именно большая часть бригады объяснила появление у него рации. Именно. Они подумали, что в их рядах завелась крыса.

«Наверное, поэтому почти ничего не обсуждают сейчас. Ведь я могу услышать!» – подумал он.

Найду стало резко неприятно от своего же предположения. Хотя, разве должно его это волновать? Они ему что, друзья? Вовсе нет. А единственный друг и так знает, откуда у него рация. Вот и все. А что думают коллеги – не так уж и важно. Важно, что теперь у него есть рация, и в случае любого ЧП он сможет связаться с диспетчерской. Рамис ведь уже опробовал ее. Она рабочая. Так что, как ни крути, своя рация – это большой плюс. И дело с концом.

В раздевалке Найд немного закопался и оделся сильно позже всех остальных. Сказалась внезапно навалившаяся усталость. Несмотря на то, что он старался не думать о произошедшем в шахте и о конфликте с начальством, где-то на задворках сознания уже поселилась мысль о его скором увольнении. И эта мысль не давала покоя, вытягивая потихоньку силы.

Шахтеры уже ушли, да и Рамис тоже не стал Найда дожидаться. Сказал, что сегодня нужно отвести мать к окулисту, и нужно ехать домой прямо сейчас, чтобы не опоздать. Найд пожал ему руку, чуть привставая с деревянной скамьи, и снова сел на нее, как только остался один. Но надо было тоже уходить, иначе он рискует опоздать на последнюю маршрутку до Вероны. Тогда как добираться домой? Ехать на «такси»?

Местное такси было очень своеобразным. Следовало начать с того, что как такси этот сервис вообще не задумывался. Это была обычная аренда автомобилей. В Верону пригоняли списанные из крупных округов автомобили – поломанные, побывавшие в авариях, прогнившие... Их здесь наспех чинили, только чтобы авто было на ходу – и отдавали в аренду.

Система транспорта в Вероне была не очень хорошо развита. Были городские маршрутки – редкие, маленькие, чадающие. В них набивалось народу до отказа, но это был почти что единственный недорогой способ передвигаться по городу. Также имелись маршрутки до шахты и обратно. Такие же ушатанные, как и городские, зато дешевые и регулярные. И был сервис по аренде автомобиля. Собственный автомобиль в Вероне мог иметь только управленец с гражданством. Беженцев это не касалось. Аренда авто была дорогой – двенадцать никелей в день, были ограничения по зоне охвата – например, можно было отъезжать не далее чем на 300 километров от Вероны в любом направлении. Брели большой залог. В случае поломки штрафовали – а поломки были не редкостью, учитывая, что авто изначально было ушатанным до предела. Кроме всего прочего, желающим воспользоваться услугой, надо было сдать экзамен по вождению, где тоже было много подводных камней. Права выдавали далеко не всем, а условия выдачи прав несколько отличались от официально прописанных...

Но это было еще полбеды. Сервис худо-бедно функционировал, пока в Верону не нагрянула толпа беженцев с одной из соседних стран, где началась гражданская война. Сплоченные, дерзкие – они быстро нашли способ прилично подзаработать на терпилах-жителях и открыть «свое дело». Они оккупировали все арендованные авто и заявили, что теперь аренда будет производиться только через них. И с их водителем. Иначе никак. Робко подходящему к авто местному крутящий на пальце ключ зажигания «таксист» быстро и грубо пояснил, что поехать получится только с ним, и только за ту сумму, которую он назовет. Если же местный был достаточно смелым и угрожал жалобами в управу, из соседних машин вылезали остальные «таксисты» и доходчиво пояснили, что жаловаться ему не следует. Что с управой все уже решено и согласовано.

Согласовать с управой получилось позже – но все же получилось. Местные цокали языками, между собой строя версии, кто же именно из веронской управы мог «продаться». Но сделать ничего не могли. По всей видимости, кто-то значимый вошел в долю. Таксисты перестали чинить беспредел, стали чуть вежливее, установили стабильный ценник – вероятно, это было условием их соглашения. Местные скрипели зубами, но делать было нечего. Иногда такси все же требовалось.

Найд зашнуровал ботинки, встал, потянулся. Все тело ломало. Надо было спешить. На услуги «таксистов» денег не было. Пешком идти – не вариант. Тут километров двадцать ходу. Найд давно думал о велосипеде – но их завозили довольно редко, да и спросом они не пользовались. Тому была причина. Поговаривали о некой шайке, которая нападала на незащитных велосипедистов и отбирала вещи и велосипед. Найд, как и многие, полагал, что это была идея тех самых «таксистов». А что, хороший способ сохранить монополию, тем более что кардинальными методами решения проблем они не гнушались...

Найд запихнул спецовку в шкафчик, захлопнул его, повернулся к выходу из раздевалки и вздрогнул от неожиданности. В дверях стоял Юрец, весьма взволнованный. Волосы с одной стороны головы стояли дыбом – вероятно, всю смену они оказались прижаты каской.

– Чего тебе? – Найд не хотелось слушать очередную «интересную» новость в его исполнении. Да и вообще, его удивляло, что Юрец гораздо больше разговаривает с ним, чем с кем-то ещё из бригады, хотя Найд всем своим видом показывал, насколько он не расположен к разговорам с Юрцом, да и к любым разговорам в принципе.

– Я знаю, почему нас развернули сегодня. Точнее, мне кажется, что я знаю, – несколько не обижаясь на недружелюбное поведение Найда, ответил Юрец. Он наморщил веснушчатый нос и потер его рукавом темной засаленной куртки.

Найд закатил глаза и скрестил руки на груди.

– Даю тебе минуту. Начнёшь заливать что-то длинное и мутное – слушать не стану. Я предупредил.

Найд терпеть не мог, когда чувствовал, что его водят за нос. А прослушивание любой интереснейшей по заверениям Юрца истории непременно сопровождалось этим гадким чувством.

– Минута, конечно, мало для такого...

– Минута пошла.

Юрец потерял ещё несколько секунд, думая, как бы сократить рассказ.

– Не знаю, чья это ошибка, но шахта точно пересекается с системой пещер, – торопливо начал он, – вообще, насколько я понимаю, такого быть не должно, потому что есть угроза обвала. Удивительно, что при формировании тоннеля никто не обнаружил этого. Либо были ещё какие-то обстоятельства, – Юрец задумался.

Найд нахмурился. По его расчётам, минута уже прошла. Стало быть, продолжая говорить, малой тратит его время. А все уже уехали, и Рамис тоже... И придётся Найд ехать в Верону – о ужас! – в компании с Юрцом! И слушать его рассказы ещё минут тридцать!

Юрец почувствовал, что терпение Найда иссякает и затараторил.

– Я обнаружил новый лаз. Я там был на днях. И по моему ощущению та порода, об которую сломался комбайн – это стенка пещеры. И мы её не пробьем. Да и не надо. Ни в коем случае нельзя!

Он говорил, сбиваясь и похрустывая пальцами.

– Там что-то такое. Не знаю, что, но там что-то есть. Я, ты знаешь, пещеры люблю, и в Вероне все облазил, и ещё в Китеж специально ездил... Но мне никогда не было страшно. Пещеры как пещеры. А тут... Отсюда я бежал.

Юрец сморщил лоб, как будто бы подбирая нужное слово и, наконец, выдал:

– Там стены как будто движутся.

Найд нахмурился ещё больше, вспоминая, как пульсировала под его пальцами порода. Выходит, Юрец не бредит. Что-то явно есть. Только – что? И, стало быть, наверху знают? Раз свернули их сегодня?

– Я правду говорю, Найд.

Найд вышел из раздевалки и молча направился к проходной. Юрец как хвост увязался за ним. Хорошо хоть не болтал. Но он слишком громко ждал от него ответа или реакции! А что Найд мог сказать? Что тут вообще скажешь?

– Я понял тебя, – наконец, остановившись у выхода с проходной, пробурчал Найд и засунул руки в карманы комбеза. В лицо ударила долгожданная вечерняя прохлада.

– Ты мне веришь? – с надеждой спросил Юрец.

– Сложно сказать, верю или нет. Рано пока делать выводы. Но я тебя услышал.

Парень явно расстроился, но кивнул в знак согласия. Найд заметил, что мужиков на улице нет – стало быть, все уехали. Вообще никого не было, кроме них двоих, да сторожа в будке у шлагбаума. Хрустя гравием, к проходной подъехал чадящий фургончик с прогнившими порогами.

– Поезжай, – кивнул Найд Юрцу, – а я тут пока покурю.

Юрец послушно залез в салон. Найд выудил из глубокого кармана комбинезона самокрутку, одолженную «про запас» у Рамиса, коробок спичек и закурил.

«Главное, чтобы это была не последняя маршрутка до Вероны», – усмехнулся он вслед удаляющемуся фургончику.

И все же, несмотря на то, что Юрец был, по мнению Найда, знатный выдумщик, что-то тянуло его проверить пещеры самостоятельно. Это была глупая идея: тратить свой законный выходной не на сон, отдых и домашние дела, а на сомнительную прогулку под землей. Никто не знает, насколько в пещерах может быть опасно. А с другой стороны, Найд никогда никуда не выбирался. Он был любопытен, но труслив, и трусость постепенно подмяла под себя природное любопытство. В какой-то момент он перестал интересоваться внешним миром! Он жил, словно закрыв глаза и уши.

«Ага, еще и заткнув рот, дабы не ляпнуть лишнего»

Внутри еще колыхался пережитый во время обвала ужас. На доли секунды Найд был готов попроситься с жизнью и теперь ощущал, что получил второй шанс. Встряска, пусть и настолько жесткая, открыла ему глаза на многое. Юрец, хоть мелкий, а трусом не был. По крайней мере, у него нашлись силы не задавливать в себе мечту о свободе. Когда-то Юрец признался Найд, что именно под каменными сводами чувствует себя действительно свободным. Никакого начальства, никаких бытовых проблем, никакого шума...

Найд слушал это, изнывая от зависти. Юрец мог позволить себе делать, что хочет, а он – не сможет? Найд докурил и с силой затушил сигарету о бок мусорной урны. Так не пойдет. Если он завтра же не спустится в пещеру, он потеряет свободу. Именно ее, потому что закабаление начинается с запугивания извне. Потом человек приучается опускать голову и бесшумно передвигаться. Потом он пугает сам себя – изнутри. И теряет всякий намек на любопытство – ведь

оно опасно. Оно побуждает поднять голову и осмотреться. Оно побуждает задавать вопросы. И следующим шагом – действовать.

Послушав собственные аргументы, Найд твердо пообещал себе спуститься в пещеры завтра же.

Фарел, начальник сортировочного центра, или СЦ, бодро шагал на работу. Официально он должен был находиться на месте с десяти утра, но ему нравились эти ранние часы – когда улицы еще не переполнены, рассветное солнце еще не печет макушку, а на складе нет множества снующих туда-сюда работников. Ему нравилось начинать свой день в спокойствии, а не в суматохе. А на складе она была всегда. Фарел щурился от солнца, удовлетворенно чувствуя, как приятно отзывается тренированное тело на каждый шаг – не зря ведь пошел пешком сегодня! Он предвкушал утреннюю чашку кофе с пачкой печенья. Печенье еще со вчерашнего дня лежало в сумке, ну а кофе всегда водился у него в кабинете.

Главный склад Вероны представлял собой огороженную высоким забором с «колючкой», хорошо охраняемую территорию с единственным, зато огромным корпусом. Корпус был разделен на зоны, в зависимости от хранящегося там товара. Здесь были ряды с одеждой и обувью, строительные материалы, продукты длительного хранения, морозильные камеры...

Подойдя к массивным воротам, Фарел кивнул смотрящему на него из будки охраннику и показал пропуск, висевший на груди на шнурке. Пропуск было показывать необязательно – все и так знали начальника в лицо, но Фарел был непреклонен. Если все будут соблюдать дисциплину, – считал он, – Верона сделает большой шаг вперед. Он сам был подтверждением своих взглядов. Фарел был единственным человеком в городе, кто пробился на управляющую должность из местных, из беженцев. Это было не то чтобы сложно, это было в принципе невозможно – но он это сделал. Он начал свой путь с простого рабочего и первый год исправно возил и таскал коробки, сортировал товар, разгружал вагоны с провиантом. Но пытливый ум не давал ему покоя. Фарел везде видел недочеты и возможности. Недочеты и возможности – они встречались повсеместно. Уязвимости в системе охраны и способы ее улучшить. Потери времени во время разгрузки товара – и правильное распределение труда бригады, что позволяло сэкономить час, а то и два. И Фарел не скупился, делился своими идеями с кладовщиками, бригадирами – даже с самим начальником склада, старым Брэном, который уже чисто физически не мог и не хотел руководить. Брэну на тот момент было восемьдесят пять, а из столицы почему-то никого не присылали ему на замену.

Брэн увидел в Фареле не только будущего управленца, но и надежного парня, и быстро сделал его своим заместителем. Фарел стал посещать собрания в управе, познакомился с представителями веронской власти, засветился... Поговаривали, он даже давал дельные советы начальнику веронской полиции...

Когда еще через год Брэн умер, ни у кого не возникло вопросов, кто же должен занять его место. В управе посчитали, что способности Фарела стоят того, чтобы нарушить парочку правил. Впрочем – это было очень выгодно верхушке Вероны, ведь сортировочный центр был единственной связью с источником поставок. Без достаточного количества товаров жить в Вероне было бы уж совсем печально. Верхи были уверены – благодаря своему уму и дипломатии Фарел сможет договориться о нужных поставках и наладит все процессы. Да, из столицы могли бы прислать ставленника – но чаще всего они были заведомо озлоблены на всю Верону, ведь просто так в такие дыры не высылали... Такой человек не смог бы работать на благо города...

Массивные ворота медленно отъехали в сторону, и Фарел быстро прошел на территорию склада. Миновав зону погрузки, он поднялся по ступеням из старых арматурин и оказался на небольшом возвышении. Повернул направо и прошел мимо палетов, готовых к сегодняшней отгрузке на рынок. Зашел в здание склада. Прошел по лабиринту коридоров, поднялся по

небольшой лестнице. Оказался перед серой металлической дверью – это был вход в основную зону, самую большую. Здесь хранились продукты, не требующие хранения в холоде. Продукты были важнейшим товаром в сортировочном центре, и под них выделили самое лучшее место.

Фарел за шнурок подтянул к себе пропуск – магнитную пластиковую карточку с надписью «СЦ-Верона» и приложил его к небольшому выступу слева от двери. Дверь запищала. С легким стуком замок разблокировался. Фарел дернул тяжелую дверь на себя и вошел, шаря рукой по стене. Свет включался небольшими рубильниками. Фарел выборочно поднял несколько из них: ему было достаточно освещения в основной аллее и собственном «кабинете».

Кабинетом служил небольшой закуток в самом дальнем конце склада. Кабинет был полностью отгорожен и запирался на ключ. Ключ был только у Фарела. В этом была необходимость: в кабинете стоял старенький, но рабочий компьютер, небольшой сейф с финансами и еще один – с травматическим пистолетом. Оружие в Вероне было разрешено лишь ограниченному кругу лиц, и Фарел, являясь по статусу беженцем, такого позволить себе не мог. Но, будучи на хорошем счету, он смог убедить верхушку, что ему крайне необходимо средство самообороны. К тому же, он выбрал правильное время для разговора: как раз за неделю до этого СЦ едва не обчистили. Фарел сумел доказать, что, имея на руках хотя бы травмат, он в разы снижает шансы, что его силой заставят открыть двери.

Попытка грабежа успехом не увенчалась, но и воров не нашли. Однако, Фарела крайне беспокоило, что воры знали, в какое время и где происходит погрузка товара. Они воспользовались этим и проникли на защищенную территорию. Это наводило Фарела на мысль, что стукнул кто-то из своих. Но кто? Фарел предпочитал доверять своим подчиненным...

Фарел осознавал свою ответственность и сам за долгие десять лет работы на должности начальника СЦ, не взял себе ни единой пуговицы из привезенного товара. И всегда строго следил за кладовщиками, хотя, все равно, случаи мелкого воровства были, как и везде. Соблазн был слишком велик. Но Фарел такого не понимал – у себя же воруют фактически, у своих соседей... Зачем воровать, когда можно честно заработать?

Сегодня у Фарела было очень много бумажной работы. Вчера была поставка, а, значит, нужно провести по бухгалтерии все накладные, пришедшие со вчерашним товаром. Потом нужно свериться с тем, кто и что заказывал – в общем, распределить все это добро. Что-то уйдет на рынок, что-то – в кафе, бары и столовые, что-то в такие важные места как школы, детские сады, больницы... После же надо было распорядиться относительно доставки нового груза. Это только звучало просто, а на деле куча документов, куча цифр, и крайне важно не допустить ошибки. Конечно, придёт бухгалтер и справится с основной работой, но большая часть ответственности на нем. Он предпочитал проверять все очень досконально. Школы и детские сады были на государственном обеспечении, потому Фарелу потребуется предоставить подробнейший отчет. Он вздохнул, подходя к двери своего закутка. Позвенел связкой ключей в кармане, пытаясь подцепить её за кольцо. Сзади что-то шлепнулось.

Фарел резко обернулся, но никого не обнаружил. Тем не менее, он продолжал слышать шаги или негромкое шарканье. На пустом складе звуки разносились очень быстро.

«Наверное, охранник», – решил Фарел и, достав ключи, вставил нужный в скважину. Боковым зрением он уловил справа от себя какое-то движение. Так как рабочий день ещё не начался, то Фарел, зайдя в СЦ, включил лишь часть ламп: только в том проходе, который вёл его к нужной двери. Вокруг же было довольно темно. И, тем не менее, движение он заметил.

Фарел повернул голову вправо, но источник шума куда-то делся. Фарел инстинктивно потянулся к поясу, но потом вспомнил, что его кобура с травматом лежит в сейфе, как и обычно. Так как он только что пришел, то сейчас на поясе пистолета не было, и Фарел поспешил проверить ключ. Зашёл, включил свет, бросил ключи снова в карман. Закрывая дверь в свой кабинет, он заметил в середине освещенного коридора чью-то фигуру, которая быстро-быстро удалялась по направлению к выходу.

Не будучи слишком суеверным человеком, Найд чётко осознавал, что всему должно быть мало-мальски разумное объяснение. И он его найдёт. Он сможет докопаться до правды, как бы она ни выглядела. Ведь что такое эти вчерашние колебания камня под его пальцами? У них же наверняка есть некий источник. «Найду источник – разгадаю загадку», – думал Найд.

Идея спуститься в пещеру казалось одновременно и ребяческой, и глупой, и безрассудной. Во-первых, Найд точно не знал, где вход. Он спросил вчера у Юрца, но знал только примерное местонахождение лаза. Юрец утверждал, что он скрыт от посторонних глаз кустами и поваленными валунами. Потому найти лаз уже было бы большой удачей. Во-вторых, в отличие от Юрца, самоназванного спелеолога, Найд не обладал необходимыми ему навыками ориентирования под землёй. В шахтах все было понятно и определённо. Все прорытые ходы куда-то вели. С некой долей регулярности в коридорах шахты встречались карты и схемы. И, на крайний случай, всегда можно было проследить путь на поверхность – по рельсам. Но Найд не знал, как будет себя чувствовать в пещере. А если там несколько разветвлений? А если он запутается? Хорошо бы сказать хоть кому-то, куда он идёт, но Найд решил оставить это в тайне. Он не знал, какая будет реакция на его планы, и потому разумнее было бы скрыть их. Он сказал Апани, что пойдёт прогуляться. Она попросила его на обратном пути заскочить на рынок и вручила список.

Проблему возможной дезориентации Найд, в общем-то, решил с помощью блокнота и карандаша, намереваясь отмечать все ходы и чётко фиксировать свой путь. Во-первых, вероятность заблудиться снижается в разы. Во-вторых, карта подземелья не помешает – вдруг когда и понадобится?

Найд захватил средних размеров рюкзак, в который покидал тёплую одежду, флягу с водой, парочку пакетиков с орешками, два хороших фонаря и запасной комплект батареек. Немного подумав, положил миниатюрный складной ножичек в карман комбеза. Вроде бы все готово. Можно отправляться.

Разумеется, он что-то забыл. Всего ведь нельзя предусмотреть. Но Найд и не собирался торчать там целую вечность. Максимум пару часиков. А там уж видно будет. Все зависит от того, что он там сможет обнаружить. Так что решать придётся по ситуации.

Он сел на маршрутку до шахты и всю дорогу гадал, где же ему лучше сойти. Дорога, по которой ехал этот ржавый тарантас, огибала скалы, поднималась на плато, спускалась с него и после этого направлялась уже напрямую к шахтам. Наверное, если Юрец говорил про валуны, преграждающие путь в пещеру, то сходить надо уже сейчас, так как маршрутка подъезжала к похожему по описанию месту. Найд почувствовал себя крайне неудобно. Выходит, если спуск в пещеру находится здесь, а пересекается она с шахтами только через несколько километров, то... сколько же ему придётся переть до пульсирующего места? Нет, если учесть, что шахта тоже прорыта вперёд на несколько километров, и если предположить, что шахта и пещера идут друг навстречу другу, и в одном месте соприкасаются... Найд пытался сделать расчёты, но он не знал, какие расстояния в точности охватывают коридоры шахты. По всей видимости, выходит, километра три-четыре. Немного, если идти по дороге, а над головой будет светить солнце. И охеренно много, если речь идёт о тёмном, сыром подземелье, с запутанными ходами и необъяснимой вибрацией где-то в его глубинах.

Найд усмехнулся сам себе. Самое интересное, что если придется улепетывать, то бежать придется ровно столько, сколько он пройдёт вперёд. Притом, желательно, не ошибаясь на поворотах.

«Черт, а ведь Юрец там был, – подумал Найд, – и, если он вернулся, значит, там все путем»

Чем ближе маршрутка подъезжала к скалам, тем больше Найд жалел, что не позвал Юрца с собой. Но дурацкая гордость... Найд не хотел, чтобы Юрец подумал, что он трусил.

«Ну, вот здесь можно и сойти», – подумал Найд и крикнул водителю остановить маршрутку. Водила пожал плечами, дескать, «куда ты собрался-то посреди пустоши», но тарантас свой остановил. Конечно, здесь остановки не было и в помине: пустырь, заросший разве что какими-то колючими кустами, вдалеке, на возвышенности скалы и... все. И где-то там, у скал – лаз в пещеру. Найд вышел из маршрутки, и его лицо обжег горячий воздух Вероны. Да уж. Что в машине спечешься, что на улице. Ещё неизвестно, где хуже. Духота или палящее солнце.

«Ничего, скоро окажусь под землёй, в приятной прохладе», – успокоил себя Найд.

Бредя по сухой, потрескавшейся земле, Найд ругал себя за непредусмотрительность: ещё бы, вроде все взял, а хоть что-нибудь для защиты головы от палящих лучей забыл. Конечно, копна волос с одной стороны, защищает черепушку, а с другой – волосы тёмные, голова нагревается. Пришлось лезть в рюкзак и громоздить на голове что-то наподобие тюрбана из старого свитера. Стало ещё жарче, но сверху уже так не пекло. Все лучше чем солнечный удар.

По мере того, как Найд удалялся от дороги, идти становилось все труднее и труднее. Тут и там валялись огромные валуны, и подход к скалам, казавшимся такими близкими, был практически недоступен. Нужно было подниматься по осыпи. Вскоре Найд уже перелезл с валуна на валун, думая, как бы ему с его везением не сломать ногу. Крантец ему, если сломает. Ведь никто не знает, куда он пошёл. Теперь он как нельзя лучше понимал, что стоило сказать хотя бы жене. Но снова: дурацкая гордость. Расхлебывай сам теперь.

«Что ж, будем надеяться, все пройдёт гладко», – пробормотал Найд себе под нос.

Наконец он добрался до скал. На солнечной стороне температура камня просто зашкаливала. Как назло, Найд приходится опираться на поверхность скалы ладонями – в противном случае была реальная опасность поехать вниз по осыпи, увлекая за собой нехилый каменный поток. Это было самое противное: едва Найд отталкивался одной ногой, мелкие камни под ней ехали, и он практически топтался на месте. Все это время он шёл, развернувшись лицом к скале и теперь, посмотрев вниз, обомлел: он стоял на крутом склоне, полностью состоявшем из разного размера камней, больших и маленьких. Спуститься отсюда вниз не представлялось возможным. Если только идти назад тем же путем, как он сюда попал.

Найд сделал один шаг, и камень, вылетевший из под его ноги, поехал вниз, собирая с каждым метром целую каменную реку.

«Да уж, – вслух сказал Найд, – не похоже, чтоб Юрец попал в пещеру этой дорогой»

Он был в каменной ловушке.

Спустя полчаса, чертыхаясь, Найд, взмокший и обессиленный, наконец, вернулся к тому месту, откуда начал подъем по осыпи. Спускаться почему-то оказалось на порядок сложнее, и он прилично вымотался. Энтузиазм исследовать пещеру потихоньку улетучивался. Но Найд решил во что бы то ни стало завершить начатое.

Очень хотелось пить. Он выудил из рюкзака пухлую флягу с уже нагретой водой и выдул сразу половину. Ничего. В пещере не будет так жарко.

Логически поразмыслив, Найд понял всю глупость своей идеи лезть вверх. Там не было кустов, о которых говорил Юрец. Зачем же он тогда вообще туда поперся? А, черт его знает! Он настолько не привык делать что-то неординарное, что поспешил сделать хоть что-нибудь, вместо того, чтобы как следует обдумать свой план.

Найд решил исследовать скальный хребет в противоположном направлении, и на сей раз удача ему улыбнулась. Попрыгав минут десять по валунам, рискуя сломать ногу, Найд обнаружил расщелину, за которой как раз и росли засохшие колючие кусты не выше человеческого роста.

Вскоре Найд нашёл и лаз. Он действительно был хорошо спрятан, и, не зная ориентиров, можно было легко пройти мимо. Найд пришлось со скрипом признать наблюдательность пацана.

Что же. Он снял рюкзак, достал оттуда лёгкую куртку и фонарик. Самодельный тюрбан, наоборот, убрал. Не понадобится. Вдохнул. Протяжно и шумно выдохнул, стремясь успокоить колотящееся сердце. Теперь можно было идти.

Продвигаться вглубь пещеры приходилось крайне неспешно. Ход то сужался, то расширялся, но все равно было достаточно тесно, и в некоторых местах Найду приходилось протискиваться. Через метров пятьсот стало чуть просторнее. Найд ожидал почуять прохладу, но, казалось, здесь, под землёй, точно так же жарко, как на поверхности. Если не жарче.

Это было странно: никакой сырости, никакого холода. Жаркий сухой воздух. Найд шел осторожно. Приходилось светить не только под ноги, но и вверх и по сторонам, иначе он мог удариться о неровности свода или причудливо свисающий с потолка пещеры сталактит. Луча фонаря не хватало на то, чтобы собрать полную картину, и Найд водил рукой туда-сюда, продвигаясь вперед очень медленно. Он то и дело останавливался и оборачивался, светя в уже пройденное пространство: не преследует ли его кто неведомый? Найд старался не поддаваться случайным фантазиям, но почему-то сейчас ему казалось, что пещера обязательно должна быть обитаема. Он не мог себе объяснить, почему так думал, но мысль эта заставляла его почти красться.

Вдруг Найду показалось, что впереди что-то упало. Он остановился и прислушался. Тихо. Может, это капля воды сорвалась с потолка пещеры и со звоном разбилась о камень? Это вполне могло быть так. Значит, можно без опаски идти дальше. Найд посетовал, что не может просто взять и выключить фонарик, ведь луч света в темноте выдавал его присутствие, а он, в свою очередь, продвигаясь все глубже и глубже, все отчетливее ощущал на себе чей-то взгляд. Кто бы здесь ни был. Но разве ж можно выключить фонарик? У Найда нет приборов ночного видения, равно как и особого зрения. А тьма вокруг стоит кромешная.

Пока что не было никаких ответвлений. Пройдя ещё метров пятьсот, Найд попал в небольшой грот. Из него можно было попасть в два коридора. Посветив фонарём в левый, Найд все же выбрал идти по правому. Ведь какая, собственно, разница? Да и если верить статистике, люди часто выбирают правый вариант из двух предложенных, соответственно, Юрец мог решить так же и попасть на то странное место, которое внушило ему страх.

Найд шёл очень долго в абсолютной тишине и теперь начал отмечать какое-то странное состояние ума. Абсолютная пустота. Он не слышал своих шагов. И даже думать не хотелось. Как будто где-то поблизости стояла глушилка сигналов. Передвигаться тоже стало значительно сложнее. На каждое движение воздух вокруг словно сопротивлялся – ощущения сравнимы с передвижением под водой. Луч фонарика почему-то стал мутнее, расширившись и потеряв свою дальность. Пройдя ещё с полкилометра в таком замедленном ритме, Найд стал чаще и чаще ощущать приступы беспричинного страха. Поначалу они были слабые, но по мере продвижения вперёд усиливались. Найду это очень не понравилось, ведь страх, причинный он или нет, лишает способности ясно мыслить, а это было сейчас ни к чему. С другой стороны, появление страха говорило о том, что он все ближе и ближе к цели. Юрец не смог, сбежал, а он сможет. Дойдёт. Он же знает, что этот страх – просто индикатор. Тут нечего было бояться.

Теперь каждый шаг вперед давался Найду с трудом. Страх – даже не страх, а панический ужас орал ему «не ходи туда», но Найд пересиливал себя. Он пытался рассуждать логически, насколько это было возможно в его состоянии, и пришёл к выводу, что раз что-то так рьяно не даёт ему идти вперёд, значит, там точно скрыто что-то интересное и нужное. Как массивная дверь и наличие охраны даёт понять вору, что в доме точно есть, что украсть, так и Найду казалось, что он теперь просто обязан дойти и выяснить, что вызывает такой странный эффект.

«Быть может, я надыхался ядовитыми испарениями? – подумал Найд, холодея от этого предположения, – И все, что я чувствую – просто галлюцинация?»

Это было самое вероятное объяснение из всех возможных, и Найд даже удивился, что не подумал об этом раньше.

Эта версия одновременно и успокаивала, и настораживала. Хорошей новостью было то, что Найд не сходит с ума. А плохой – он имеет все шансы остаться тут навсегда, если эти пары очень токсичные. Он просто не успеет вернуться на поверхность. А респиратора у него с собой не было. Но никакого странного запаха Найд не почувствовал, да и дышать было относительно легко – если, конечно, не брать в расчет, что его колотящееся от страха сердце требовало более частых вдохов.

Коридор вывел Найда в огромный грот, больше первого, который заканчивался тупиком. Посветив дрожащим лучом фонаря назад, на проход в грот – откуда он вошел, Найд заметил вбитую намертво в камень решетку. Словно бы этот тупик был ловушкой или чьей-то клеткой. Решетка четко отделяла эту зону от остальных коридоров. И она была выбита. Местами виднелись покореженные прутья толщиной с палец. Местами ее выдрали «с мясом», прямо из камня.

Луч фонаря хаотично заплескал по сводам грота. Неслабо напуганный до этого, Найд все больше проваливался в состояние паники. Он все крутился вокруг и светил на стены грота, но больше не увидел ничего примечательного, кроме странной оптической иллюзии. Казалось, воздух вокруг плавится, и камень, образующий своды грота, на самом деле стекает по поверхности стен под влиянием высокой температуры. Найд попытался устаканить пляшущий в руке фонарик и перехватил руку другой рукой, но это не принесло результата. Паника и ужас достигли предельной точки. Найд задыхался. Он крутился по сторонам, беспорядочно кидая луч фонаря туда и сюда в надежде найти источник страха, как будто источником могла оказаться припрятанная где-то среди камней или в щели антенна. Ему казалось, что за ним наблюдают десятки глаз. Это было настолько явное чувство, что, несмотря на то, что Найд никого не обнаружил, он закричал в пустоту. Пустота отозвалась гулким эхом. В гроте началось какое-то движение. «Обвал», – подумал Найд, но с потолка грота не упал ни один камешек. Сильные колебания прекратились, и теперь стены резонировали в такт его дыханию. Продолжая светить фонарём по сторонам, Найд заметил, что воздух вокруг плавился все сильнее и сильнее. Он уплотнялся и захватывал пустые пространства. Наконец вокруг Найда сформировалось кольцо, ещё свободное от вторжения расплавленного воздуха. Найду захотелось отключиться, чтобы не чувствовать, что произойдёт, когда эта масса коснётся его кожи. Но он, как назло, был в сознании, хоть и парализован страхом. «Зря я сюда пошел», – мелькнуло у него в голове.

Найд почувствовал странную смесь жара и холода и чьё-то присутствие, невыразимо ужасное. Расплавленный воздух поглотил его, образуя плотный кокон по поверхности тела.

Глава 3

Около двух часов дня Рамис собрался на рынок за продуктами и, проходя мимо домика Найда, заглянул к нему. Апани, порядком встревоженная, сообщила, что Найд ушел погулять с самого утра и пока не вернулся.

На ней был передник и косынка. «Готовит, видимо, – подумал Рамис и еле заметно улыбнулся, – это так по-детсадовски. Замотаться по самое не хочу, чтобы ни один волосок не попал детям в кашу. Насмотрелась, небось, от их поварихи»

Апани нравилась Рамису даже в таком домашнем виде, но он потребовал от себя срочно прекратить об этом думать. Так нельзя! Это жена его лучшего друга. Вот угораздило...

– Странно, – сказал Рамис вслух, – Найд меня не звал гулять. Куда же он мог пойти?

Апани пожала плечами.

– Где он собрался гулять, я не имею понятия. А вот после я просила его заскочить на рынок. Может, он сейчас там?

Они попрощались, и Рамис видел из-за калитки, как Апани медленно побрела в дом. Видимо, его визит дал ей повод к новым волнениям. Ведь, действительно, гулять в одиночку для Найда было совсем несвойственно. Он просто так, без дела, по улицам слоняться не будет. А если решит погулять, то позовет Рамиса. И то – раз в полгода, если только взбредет ему такое в голову. Обычно они по горло сыты прогулками по тоннелям шахты, и дополнительная активность никому не требуется.

«Что ж, остаётся пойти на рынок и поспрашивать у торговцев, появлялся он или нет», – решил Рамис.

Рынок Вероны представлял собой пестрое многообразие различных вывесок, привлекающих покупателей в ларьки. Владельцем рынка выступала управа города, а продавцы лишь нанимались на работу. Принцип был такой: желающий открыть свою палатку подавал документы и заявление в распределотдел с пояснением, каким товаром хочет заниматься. Если в распределотделе одобряли кандидатуру продавца и давали положительный ответ, тот направлялся в управу для уплаты первого взноса. За каждый месяц аренды торговой точки надо было платить. Также было необходимо платить вперед за все поставки товаров. Раз в два-три месяца в Верону приходили каталоги, которые распределялись между продавцами, и те заказывали тот или иной товар наперед, иногда с просьбой разбить поставки. Это касалось в основном портящихся продуктов.

Так как за товар продавцы платили заранее, управе, закупающей все у столицы, было неважно, продастся товар или будет лежать на складе. Складское хранение для «частников» тоже стоило денег, поэтому, прежде чем стать продавцом, надо было хорошенько подумать, потянешь ли это дело финансово. Учитывая довольно большие взносы за аренду точки, доставку товара и склад, продавцы делали деньги, как только могли. Многие не гнушались обвешивать или впаривать лежалый товар. И как-то выгребали. Честные же коммерсанты часто банкротились и порой, чтобы отдать долг управе, подписывались на откровенно рабские трудовые контракты.

Рамис шёл мимо рядов с одеждой – вывешенные на витрины модели были все какие-то блеклые. Вот захочешь ты взять одежду, придёшь на рынок, а можно купить либо тёмную – чёрную и серую, либо светлую – бежевую, коричневую. Может, найдёшь что-то темно-синее или темно-зелёное. Все. На этом ассортимент цветов исчерпывался. Белое жители Вероны не жаловали – оно и понятно, в здешней пыли белое быстро станет грязным. Но ладно бы цвета, но это скучное однообразие моделей...

Держатели ларьков и рады были бы заказывать разные модели – что-то яркое или что-то менее стандартное, что уже приелось народу. Но из столицы приходили каталоги с заранее урезанным ассортиментом. И не все модели из каталога были в наличии. Закажешь пять моделей – привезут только три. И то не весь размерный ряд. Оно и понятно. Помимо Вероны есть и другие рабочие городки, и их тоже надо снабжать. Продавцам приходилось выбирать по каталогам, ассортимент которых уже был кем-то тщательно отобран. А между тем, снабженцы, которых присылали вместе с товаром, были одеты совсем иначе. И на вопросы продавцов, почему таких вещей нет в предложенных им каталогах, снабженцы морозились и отвечали что-то дежурное. Разумеется, дефицит продавали строго из-под полы, что было риском как для продавца, так и для покупателя.

Рамис прошел ряды с одеждой и завернул в продуктовые. Он знал, в какие ларьки Найд обычно заходит. Его друг был весьма стабилен в своих привычках, кроме того, жутко не любил, когда его дурят. Нашёл хорошего, честного продавца с качественным товаром – будет ходить только в эту палатку. Вот у этих честных продавцов Рамис и попытался выяснить, не появлялся ли Найд сегодня. Расспросы ничего не дали: Найда на рынке никто из них не видел.

Рамис вышел с территории рынка и остановился у забора, закуривая. Вокруг все было спокойным и будничным. Все так же пекло солнце, все так же сновали туда и сюда люди с сумками, с пакетами, мальчишки играли в мяч на свободном от построек клочке, прямо за рынком. Вот с грохотом какой-то старик провез тележку с водой, чаем и пирожками. Сейчас встанет где-нибудь в проходе на рынке и начнет кричать на всю округу: «Пирожки! Горячие пирожки! Чай, кофе, конфеты!», и продавцы будут охотно брать себе по несколько жареных пирожков, чтобы хватило на долгий рабочий день. Посетители рынка тоже заинтересуются, и вскоре верхний ярус тележки опустеет. Но старик достанет еще, с нижнего яруса, разложит и вновь потолкает тележку вдоль длинных рыночных рядов. Правда, если его заметит полиция, живо сцапает и отвезет в участок. Хочешь продавать пирожки – плати взнос, арендуй точку. А откуда у старичка деньги? Наверное, он тележку толкает не от хорошей жизни. Небось, больше никуда не берут на работу.

«И кому, он, собственно, мешает с этими пирожками? – подумал Рамис, – Все ведь от этого выигрывают»

Но нет. Свободный бизнес – если так вообще можно было назвать тележку с подносом и чайником – в Вероне не был разрешен.

Мимо Рамиса пронеслась маршрутка с прогнившим дном. Пока он курил, в его голове крутились самые разные мысли. Он знал, что Найд не переносит жару, поэтому гулять столько часов вряд ли бы стал. И где его искать? Надо ли беспокоиться, или еще рано? Рамис, как и многие здесь, слышал про исчезновения людей. Но не среди бела дня же они исчезают! Хотя, получалось, что именно так все и происходит, ведь до сих пор не нашли виновного. Как и самих исчезнувших – живыми или мертвыми.

«Значит, люди сами убегают, – подумал Рамис. И значит, версию с похищением Найда можно точно отместить. Да и в принципе – беспокоиться пора рано. Вот если он не придёт домой ночевать, чего, как я знаю, ещё ни разу на его веку не было, тогда забьем тревогу...»

Найд открыл глаза. Было темно. Он лежал на земле на животе, с надетым на плечи рюкзаком. Рядом валялся тускнеющий фонарик. Найд попытался встать хотя бы на четвереньки, но это ему было не под силу. Тогда он покатился вбок и перевернулся на спину. Перед его взором мерцали миллиарды звёзд, ярких и потускнее. И Харон. Красная звездочка на горизонте, которая появилась тридцать лет назад, как из ниоткуда, и тут же взбудоражила умы учёных. Они строили догадки, гипотезы, рассуждали, опасна ли она для планеты. Правда, по сравнению с тем, что происходило на Земле, перспектива столкновения с каким-нибудь небесным телом была не так-то плоха. Вот только Харон не собирался никуда двигаться. В течение календар-

ного года он не менял своего расположения. Это беспокоило ученых, но вскоре один НИИ сделал официальное заявление, что звезда не несет никакой опасности.

Найд привык смотреть на Харон – его было легко найти среди прочих звезд. Ему давала надежду мысль о том, что мерцающая красная точка в бескрайнем космосе остается чем-то неизменным среди хаоса, творящегося в Вероне и в целом по миру. Вот и сейчас, чтобы успокоиться и прийти в себя, Найд первым делом нашел Харон на небосводе. Он потихоньку начал осознавать себя и свое тело. Вот он лежит, распластавшись на земле, смотрит на звезды...

«Стоп! Какие звезды?»

Обретя последние воспоминания, он резко сел. Он был в пещере. Он был очень далеко от выхода. Потом там, в гроте, с ним случилось нечто непонятное. Эта расплавленная прозрачная масса... Найда передернуло, когда он вспомнил телесные ощущения от контакта с ней. Ну не мог же он забыть, как выполз на поверхность! Как он выбрался? Кроме того, Найд ясно помнил, что когда он обнаружил лаз, было никак не больше полудня. А сейчас ночь. Значит ли это, что он лежит на земле уже несколько часов? Или он столько ходил по подземельям? Или он все это время провел в том гроте?

Найд вспомнил все, что пережил в том странном месте и, прислушавшись к себе, мог точно утверждать, что сейчас смертельного ужаса он не испытывал. Всё было тихо и штатно. Системы организма работали нормально. Даже слишком нормально для подобных обстоятельств.

Он скинул лямку рюкзака, перетащил его на грудь и, покопавшись, выудил оттуда перекус, флягу и торопливо закинул в себя орешки, запив всей оставшейся у него водой. Почти без труда поднялся на ноги, включил второй фонарик, а разряженный убрал в рюкзак.

Что же. Он потом решит, что с этим всем делать, и что ему думать об этой пещере, а пока ему надо как-то добраться домой. Апани будет волноваться.

Найду сказочно повезло: спустя минут пятнадцать, как раз, когда он доковылял до дороги, появилась маршрутка. Найд стал размахивать фонарём, привлекая к себе внимание. Тарантас остановился, и удивлённый водила впустил его, принял деньги за проезд, не говоря ни слова. Что же. Так даже лучше. Нечего его спрашивать. Он и сам ничего не знает. Что до остальных пассажиров – то они дремали, прислонившись к стеклу или уронив голову на грудь. Некоторые не обратили на него никакого внимания, некоторые же с любопытством его рассматривали. Найд предположил, что он слишком грязный или измученный. Потом он заметил в конце салона соседа со своей улицы и молча кивнул ему. Тот поднял ладонь в знак приветствия.

Найд плюхнулся на ближайшее свободное сиденье. Ему и впрямь повезло. Видать, это была последняя на сегодня маршрутка до Вероны. Наконец-то. Наконец-то он едет домой! После всего произошедшего хотелось одного – вернуться в свою прежнюю, привычную жизнь. Зайти в покосившийся одноэтажный домик, привычным движением скинуть у входа в кухню ботинки, сесть за стол, выпить чаю. Хоть какое-то время не думать и не задавать себе вопросов, на которые все равно не будет ответа.

Найд еще раз посмотрел по сторонам, после чего прислонил голову к пыльному с обратной стороны и оттого мутному стеклу. Харон ненавязчиво поблескивал в небе.

Следующий день в шахте прошел штатно, если не считать паршивого самочувствия Найда. Вчера ночью, добравшись домой, он кое-как отбилась от вопросов Апани и завалился спать, даже не зайдя в душ. Его знобило, бросало то в жар, то в холод, и поспать толком не удалось. Найд подумал, что заболевает – уж очень это состояние было похоже на тревожный сон при высокой температуре. В сознании мелькали странные картинки: о местах, которые он не то что не посещал, но даже никогда своими глазами не видел. Найду чудилось, что он ходит по каким-то узким коридорам, полностью обшитым металлическими пластинами. Он, было,

подумал, что это шахта, но на шахту было совсем не похоже. Еще он видел большую серую пустошь, простирающуюся на долгие километры, и гигантские прожекторы, направленные в небо. Прожекторы светили красным.

Найд встал в четыре утра, не в силах больше валяться без возможности нормально поспать. Конкретно достали эти странные картинки, которые возникали всякий раз, как он закрывал глаза. Поэтому он, вконец разбитый, встал тихонько, чтобы не разбудить жену и выскользнул из спальни. Встав под теплый душ, Найд принялся усиленно растирать мочалкой ноющее тело. Полегчало. Даже странный озноб пропал. Кофе и остатки вчерашнего ужина помогли окончательно прийти в себя, хотя бессонная ночь давала о себе знать тошнотой и легкой головной болью.

Кое-как отработав в шахте, Найд, кряхтя, стягивал сапоги и спецовку, сидя на жесткой лавке. Он смотрел на переодевавшегося рядом Рамиса и думал, рассказать ли тому о вчерашнем. Вообще он пришел к выводу, что лучше бы попридержать язык. Во-первых, его поведение было странным. И как-то не хотелось объясняться, что же его понесло в эти пещеры. Во-вторых, Рамис, вероятно, обидится, что он не позвал его с собой. Вдруг ему бы тоже было интересно? Поэтому Найд, вздохнув, решил повременить с рассказами. Как-нибудь потом... А пока он просто отделался дежурной отговоркой про «ушел погулять». Рамис, конечно, покачал головой, не поверил, ну и ладно...

Они всей бригадой спустились к проходной, когда охранник окликнул Найда и сообщил, что ему придется задержаться.

«Даг Теллер ждет тебя. Шестой этаж, 604 кабинет. Удачи»

Найд с Рамисом переглянулись. Остальные шахтеры осторожно поглядывали на Найда в недоумении. Даг Теллер был ни больше ни меньше, как управляющий шахтой. Найд сам его живую никогда не видел, как и другие простые смертные. Только на фото.

Найд представить не мог, зачем и по какому поводу его вызвал сам Теллер. Даже если его решили выкинуть отсюда – стал бы управляющий морочиться с такой мелкой сошкой? Разумеется, нет. Им бы занялся кто-то пониже чином – хоть тот же безопасник или кто-нибудь из кадрового отдела.

На ватных ногах Найд доковылял до нужного кабинета. На шестом этаже он никогда не был. Оно и верно: тут сидело руководство, и простым работягам на этаже было делать нечего. Снаружи все было идентично: та же плитка, тот же ячеистый потолок с длинными лампами, те же отвратительно-зеленые стены. Вот только дверь кабинета 604, расположенная прямо по коридору, отличалась от остальных. Она была железной, на вид очень прочной. Рядом с дверью висела золотая табличка с надписью «Даг Теллер. Управляющий»

Под табличкой располагался звонок. Найд, колеблясь, нажал кнопку. Через пару секунд послышался звук отпираемого замка, дверь открылась, и Найда пригласила внутрь улыбка рыжеволосая девушка.

«Наверное, личная ассистентка», – подумал он.

Найд оказался в небольшой прихожей, где было два кресла и небольшой журнальный столик. Ярко горела лампа на потолке. Сам же кабинет располагался далее, за еще одной прочной дверью.

– Проходите, – ассистентка отрыла дверь в кабинет и жестом пригласила Найда внутрь, – господин Теллер готов вас принять.

Сердце Найда колотилось. Он уже был готов ко всему, но про себя молил только об одном: чтобы все побыстрее закончилось. Ему было жутко неудобно находиться здесь, у руководства, уставшему и потному после смены, с грязью под ногтями, в своем неизменном джинсовом комбезе. Он здесь был чужим. Но делать нечего – Найд осторожно прошел в кабинет, и рыжеволосая ассистентка закрыла за ним дверь.

Найд ожидал увидеть роскошь, но тут ее не было. Это был обычный рабочий кабинет, причем, никаким образом не предназначенный для приема посетителей. Небольшой рабочий стол стоял в углу у окна, в кресле сидел сам управляющий. В руках у него была тонкая папка. В другом конце комнаты располагалась секция из нескольких шкафов со стеллажами. На окнах простые жалюзи. И больше ничего...

Единственной необычной деталью этого кабинета был мягкий ковер у рабочего стола. Опустив глаза, Найд заметил, что у Теллера на ногах обычные домашние тапочки.

– Я по двенадцать часов сижу тут, – сухо заметил Даг, – и мне совершенно неудобно в любых ботинках, которые продаются в Вероне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.